

# Общая методология гуманитарных наук

## Глава 2

### *Логические предпосылки всякой методологии*

*Николай Кареев*

*Алексей Малинов*

(Подготовка текста к публикации, комментирование)

Доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Адрес: Университетская наб., д. 7–9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 199034

E-mail: [a.v.malinov@gmail.com](mailto:a.v.malinov@gmail.com)

*Евгения Долгова*

(Подготовка текста к публикации, комментирование)

Кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета

Адрес: Миусская пл., д. 6, к. 3, г. Москва, Российская Федерация 125994,

E-mail: [dolgova-evg@rambler.ru](mailto:dolgova-evg@rambler.ru)

Целью статьи является введение в научный оборот отрывка из неопубликованной книги историка, социолога, методолога науки Николая Ивановича Кареева (1850–1931) «Общая методология гуманитарных наук». Она была написана в «закатный период» творчества ученого (в 1922 г.), не была издана в силу цензурных ограничений и является работой, резюмирующей творческое наследие ученого (в части его методологических изысканий). В исследовании Н. И. Кареев очертил сферу гуманитарного знания; обосновал как проблему существование единого исследовательского поля гуманитарных наук и оговорил принципы их взаимосвязей; поставил как исследовательскую задачу необходимость выработки единой, общей методологии для научного исследования; обосновал положение и методологический инструментарий истории в системе гуманитарных наук. Публикуемый отрывок представляет собой вторую главу «Общей методологии...» и называется «Логические предпосылки всякой методологии». Это самая «формальная» и наиболее «школьная» глава в книге Н. И. Кареева. Логика выступает для Н. И. Кареева условием всякой методологии. Он подробно рассматривал существующие методы познания: индуктивный, дедуктивный, сравнительный, исторический; рассуждал о научных законах и их классификации; подробно останавливался на видах умозаключений и силлогизмов, а также на распространенных ошибках. В главе Н. И. Кареев касался не только основ логики, но и теории аргументации и теории доказательств. Он формулировал признаки научного знания: проверяемость, систематичность, полнота (целостность). Ученый был убежден, что без логики невозможно научное познание, строгость и доказательность научного знания. Однако реальность и политическая целесообразность эпохи диктовала другое: место логики занимала идеология. Идеи, высказанные Н. И. Кареевым в «Общей методологии гуманитарных наук» несут отчетливое влияние позитивизма. Данью неокантианству звучат утверждения Н. И. Кареева об отличии (специфике) гуманитарных наук по методу

---

© Малинов А. В., подготовка текста к публикации, комментарии, 2017

© Долгова Е. А., подготовка текста к публикации, комментарии, 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-327-365

исследования. Таким образом, Н. И. Кареев стремился сформулировать общенаучную методологию, частным случаем которой является «методология гуманитарных наук».

*Ключевые слова:* Н. И. Кареев, методологическое наследие, «Общая методология гуманитарных наук», логика, позитивизм, критицизм, методы познания, теория аргументации

54<sup>1</sup>. Методология есть дальнейшее развитие того, что содержится во всякой логике, в применении к особенностям, представляемым предметами, задачами, точками зрения и приемами отдельных наук. В каждой науке должен быть определен ее *предмет*<sup>2</sup>, указана ее *задача*, выяснена основная *точка зрения*, рассмотрены ее *методы*, особенно в гуманитарных науках вследствие меньшего их совершенства, большего количества отдельных в них направлений и спорности многих принципов. Каждая наука должна сама для себя решить все эти вопросы, но некоторые из них бывают в двух или большем числе наук общими, и иногда один и тот же метод играет роль не в одной науке. Укажу для примера на то, как в первой половине XIX века сначала в правоведении, а потом в науке о народном хозяйстве образовались *исторические школы*, которые перестали изучать свои предметы абстрактно, вне времени и пространства, и обратились к историческому материалу, к исторической точке зрения, к историческому методу. Другим примером может служить *сравнительный метод*, который был усвоен лингвистикой<sup>3</sup> (сравнительное языкознание, сравнительная грамматика), наукою о мифах (сравнительная мифология), изучением литературы, права, государственных учреждений, самую социологией. Каждая наука сама должна разрабатывать применение в ней сравнительного метода, но и общая методология гуманитарных наук не может обойти его своим вниманием.

55. У гуманитарных наук сравнительно с естественными есть свои более или менее общие им методологические особенности, которые и могут быть предметом общего рассмотрения, как это и делается в настоящей книге. Есть, конечно, и общие логические предпосылки всех методологий, в свою очередь требующие быть рассмотренными вместе и<sup>4</sup> в связи с дальнейшими деталями. Не повторяя целиком обычного руководства по логике, мы тем не менее напомним здесь главнейшие ее принципы, на которые опираются научные методы. Так, мы воспользовались уже кое-чем из учения о понятиях, их определениях и разделениях, о суждениях и их разделении по количеству для тех или других методологических соображений.

56. Если мы остановились на видоизменениях суждений по количеству и оставили в стороне видоизменения их по относительности, качеству и модальности, то по отсутствию прямой связи последних с методологическими проблемами. Важ-

1. В рукописи это параграф под номером 56.

2. Здесь и далее выделенные курсивом слова в рукописи подчеркнуты.

3. В рукописи: исправлено с: «языкознанием». НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 3. Л. 2.

4. В рукописи союз «и» отсутствует. — Там же.

нее учение о разделении суждений на *аналитические* и *синтетические* по содержащемуся в них материалу. Известно, что первое название Кант дал таким суждениям, где сказуемым служит понятие, все содержание которого образует большую или меньшую часть содержания последнего, а второе присвоил суждениям, в которых сказуемое еще не находится все целиком в составе подлежащего, как часть его содержания. В аналитических суждениях сказуемое может быть найдено посредством простого расчленения или *анализа* содержания подлежащего, когда мы, например, говорим, что все тела протяженны, т. е. исходим из мысли о протяженности всякого тела, как его существенного признака. Наоборот, сказуемое синтетических суждений не может быть найдено одним простым расчленением содержания подлежащего, как это можно видеть в суждении: «все тела тяжелы», поскольку в понятии тела мыслится лишь нечто, своим протяжением наполняющее часть пространства, но безотносительно к тому, имеет ли это какую-либо тяжесть (пример самого Канта). Если процессу расчленения, разложения, разбора соответствует термин *анализ* (развязывание<sup>5</sup>), то термин *синтез* обозначает нечто противоположное, а именно: связывание, соединение.

57. Известно, что познавательное значение этих двух видов суждений по их составу не одинаково. Чтобы удостовериться в истинности аналитического суждения, совершенно достаточно подвергнуть анализу его подлежащее, и раз мы увидим, что в содержание подлежащего входит или в нем подразумевается, и в обоих случаях сполна, содержание сказуемого, истина его тем самым удостоверена. Такой связи между подлежащим и сказуемым в синтетическом суждении нет, так что сколько бы мы ни анализировали подлежащее, ничего из этого занятия не выйдет. Для удостоверения в истинности такого суждения необходимо с пониманием подлежащего связать или соединить еще нечто такое, что принудило бы нас согласиться с данным суждением. Познавательное значение аналитических суждений заключается лишь в *разъяснении* знания, *расширение* же знания совершается лишь синтетическими суждениями, если только они чем-либо оправданны. Все суждения о существовании синтетичны, а для науки очень важно, прежде всего, констатирование действительной данности мыслимых в том или другом понятии предметов, не говоря уже о том, что только синтетические суждения сообщают нам нечто новое, чего не содержится в понятии подлежащего, в самом его определении.

58. Прогресс знания заключается в лучшем разъяснении старых понятий и возникновении новых, равно как в оправдании новых суждений по поводу прежних понятий. Количественно в каждой науке синтетических суждений неизмеримо больше, нежели аналитических. Весь вопрос в том, как удостовериться в истинности или, наоборот, ошибочности этих<sup>6</sup> суждений, иначе говоря, как оправдывать их или опровергать, что имеет важное методологическое значение. И то, и другое,

---

5. Слово «развязывание» в рукописи приписано в верхнем поле. — Там же. Л. 4.

6. Слово «этих» в рукописи приписано на полях. — Там же. Л. 5–6.

т. е. оправдание и опровержение синтетических суждений происходит при содействии известных логических приемов или методов.

59. Логика сводит основные приемы оправдания синтетических суждений к двум, из которых один состоит в простом *констатировании* данных опыта в их чистом виде, а другой называется *доказательством*, сущность которого состоит<sup>7</sup> в оправдании посредством умозаключения. Все синтетические<sup>8</sup> суждения, оправданные простым констатированием данных опыта, образуют так называемое *непосредственное* знание; знание же, оправданное какими-либо доказательствами, называется *опосредованным*. Первое может заключаться только в единичных и частных суждениях, отнюдь не в общих, которые могут оправдываться только доказательствами, пригодными, кроме того, и для оправдания суждений единичных и частных.

60. Сами доказательства состоят из одного или нескольких умозаключений, из которых каждое может служить и для оправдания истинности суждения только в тех случаях, когда, во-первых, его посылками (исходными суждениями) являются, конечно, истинные же суждения, а во-вторых, само умозаключение составлено совершенно правильно. В каждом доказательстве необходимы три части: 1) доказываемое суждение или *тезис* (положение), 2) признанные за истинные<sup>9</sup> суждения, служащие основаниями, или *посылками*, посредством которых тезис доказывается, и 3) рассуждение или *вывод* (демонстрация), вытекающий из оснований. Но вместе с тем в доказательствах следует различать два вида: доказательства или *бывают или не бывают соединены с констатированием* данных опыта, в соответствии с чем знание бывает или эмпирическим (опытным), или рациональным (умозрительным), как об этом уже было сказано выше (§ 42).

61. Впрочем, деление доказательств на соединенные и несоединенные с констатированием данных опыта имеет более вспомогательное значение в качестве средства обозрения всех наиболее важных видоизменений доказательств, более же значения имеет в логике деление доказательств на *индуктивные* и *дедуктивные*, иначе на индукцию и дедукцию (наведение и выведение), из которых первая всегда служит *обобщающим* доказательством, а второе может быть безразлично и обобщающим, и не обобщающим доказательством, а кроме того обобщающее доказательство первой основывается на идее единообразия явлений действительности, а во второй обобщения доказываются без ссылок на эту идею, как это будет показано дальше.

62. Сообразно с различием индукции и дедукции, как методов, и сами науки принято разделять на индуктивные и дедуктивные, а иногда можно в одной и той же науке различать индуктивные и дедуктивные части (напр., в физике). Было бы, однако, ошибочно думать, что это разделение представляет собою то же самое, что и разделение наук на эмпирические и рациональные, хотя бы и оказалось, что

7. В рукописи исправлено с: «заключается». — Там же. Л. 5.

8. В рукописи слово «синтетические» — вставка на полях. — Там же.

9. В рукописи «признанные за истинные» — приписка на полях. — Там же. Л. 7.

каждая эмпирическая наука индуктивна, а каждая рациональная дедуктивна. Во-первых, всякое непосредственно знание, оправдываемое констатированием данных опыта, тем самым эмпирично, но не может не считаться ни индуктивным, ни дедуктивным, поскольку зависит от данных опыта без каких бы то ни было умозаключений и состоящих из них доказательств. Во-вторых, раз дедукция может быть соединена с установлением данных опыта, дедуктивная наука бывает одновременно и эмпирической; и наоборот, эмпирическая — дедуктивной, т. е. взаимные отношения рационализма и дедукции, и особенно эмпиризма и индукции не так просты, как это может казаться с первого взгляда.

63. Впрочем, взаимоотношения индукции и дедукции и понимаются не во всех логических трактатах одинаково, что необходимо принимать в расчет в методологических исследованиях. Главное отличие других взглядов от принимаемого нами заключается в определении индукции, как всякого обобщающего доказательства независимо от единообразия природы (§ 61). Разница между индукцией и дедукцией понимается широко: 1) индукция идет от частного к общему, дедукция — от общего к частному; 2) индукция идет от частного к общему, дедукция — или от общего к частному, или от частного же к частному же; 3) кроме индукции, идущей от частного к общему, и дедукции, идущей от общего к частному, есть еще традукция, идущая от частного тоже к частному<sup>10</sup>.

64. Присущим всем этим мнениям принципом является обобщающий характер индукции либо в обязательной связи с принципом единообразия, царящего в мире явлений, либо независимо от этого принципа. При указанном<sup>11</sup> ограничении индукции приходится принять обобщение без данного принципа за вид дедукции, тогда как при расширенном понимании индукции, дедукция всегда мыслится, как нечто противоположное индукции, как необобщающий метод доказательств с двояким толкованием перехода либо только от общего к частному, либо и от частного к частному, для какового случая устанавливается еще категория традукции. По моему мнению, индукцию нужно понимать с указанным ограничением, в пользу чего соображения будут приведены ниже; что же касается до дедукции, то характерною ее особенностью является доказывание единичных и частных суждений посредством суждений общих.

65. Доселе [мы говорили] о методах оправдания синтетических суждений. Теперь же скажем несколько слов о методах их опровержения, в общем сходящихся с первыми, но в одном отношении представляющих некоторую особенность. Она заключается в противопоставлении одного другому двух *противоположных суждений*, несовместимость которых видна сама собою, т. е. без каких бы то ни было умозаключений и доказательств, на них основанных: согласие с одним из них исключает возможность согласия с другим. Суждение может считаться опровергнутым, раз мы в состоянии удостовериться, что или оно само, или вытекающие из него суждения противоположны какой-нибудь известной нам истине, до чего

10. В рукописи «к частному» — приписка на полях. — Там же. Л. 7.

11. В рукописи «указанном» — приписка на полях. — Там же. Л. 8.

суждение может оставаться только неоправданным, но, пока что, не опровергнутым. Опровержение бывает *прямым*, когда касается самого опровергаемого суждения, и *косвенным*, когда вместо него самого имеются в виду следствия, выведенные из него при посредстве и истинных посылок, и правильных умозаключений. Метод косвенного опровержения равносителен «доведению до нелепости» (*reductio ad absurdum*), особенно будучи известным по своему употреблению в геометрии. Чтобы, однако, два противопоставляемые одно другому суждения были действительно логически противоположными, это может быть только в тех случаях, когда при вполне одинаковом материале одно утверждает, другое отрицает, но притом оба будут или общими, или одно общим, другое частным, или оба единичными, но только не оба частными, могущими, как оказывается, быть одинаково истинными, напр., суждение: «некоторые логические ошибки прямо бросаются в глаза» и «некоторые логические ошибки в глаза прямо не бросаются».

66. Общие противоположные суждения называются *противными*, контрарными, а противоположные суждения, из коих одно общее, а другое частное, — *противоречивыми*, конрадикторными. Противность и противоречивость следует различать, потому что в первом случае суждения могут быть одинаково ложными, как, например, когда мы сказали бы: «все тела легче воды» и «нет тел, которые были бы легче воды», тогда как противоречивые суждения не могут быть одновременно ложными: суждение, что «все тела легче воды», ложно, но это не мешает быть истинным суждению, что «некоторые тела легче<sup>12</sup> воды», как, напр[имер], ложно утверждение, что все доказательства нуждаются в данных опыта, при истинности того, что некоторые доказательства в них не нуждаются<sup>13</sup>. Указанная особенность противоречивых суждений лежит в основе особого вида не прямых или *анагогических* доказательств, состоящих в доказывании какого-либо суждения путем опровержения другого, находящегося с ним в противоречии. (В математике их называют «доказательствами от противного».)<sup>14</sup>

67. Чисто-рациональные науки не нуждаются для своих доказательств в данных опыта: в них всякое доказательство состоит из одних только умозаключений. Образцом чисто-рациональной науки является, конечно, математика. Особенность всех таких наук — та, что в них (как, впрочем, и в рациональных частях наук эмпирических) непременно существует известная совокупность суждений, при прямом или косвенном посредстве которых доказываются решительно все положения каждой из таких наук без малейшего исключения. Такие суждения составляют высшие основания рациональных наук, иначе называемые и первыми, прежде всего сообщаемые<sup>15</sup>, и последними, дальше которых идти некуда, а к их числу

12. Исправлено с: «тяжелее в». — Там же. Л. 9.

13. В рукописи фраза «напр[имер], ложно утверждение, что все доказательства нуждаются в данных опыта, при истинности того, что некоторые доказательства в них не нуждаются» — приписка на полях. — Там же.

14. В рукописи фраза «В математике их называют „доказательствами от противного“» — приписка на полях. — Там же. Л. 10.

15. В рукописи фраза «прежде всего сообщаемые» — приписка на полях. — Там же.

принадлежат, например, геометрические определения (суждения аналитические), и так называемые аксиомы (суждения синтетические), или истины самоочевидные. Часть логики и методология чисто-рациональных наук отличаются большой разработанностью, но для методологии гуманитарных наук эта часть логики имеет наименьшее значение, потому что эти науки — эмпиричны по самой своей природе, и последовательная<sup>16</sup> рационализация такого знания возможна, главным образом, лишь при метафизическом подходе, например, к праву или, в нормативном отношении, к нравственности, в противоположном же смысле попыткой создания рациональной общественной науки была политическая экономия в так называемой классической школе (Адам Смит, Мальтус, Риккардо).

68. Для методологии гуманитарных наук важно только иметь в виду возможность неправильностей в доказательствах чисто-рационального характера, или логических ошибок, называемых чаще *софизмами*, реже *паралогизмами* (с оттенком обвинения в умышленности при употреблении первого термина). Ошибки могут заключаться или в доказываемом тезисе, или в основаниях доказательства, или в самом ходе рассуждения (ср. §). Логика очень подробно разработала вопрос о неправильных доказательствах, с чем должна считаться всякая методология, раз употребляемые наукою методы должны быть безукоризненными в логическом отношении. Это тем более важно, что неумышленные паралогизмы встречаются очень часто, и, быть может, особенно в пылу спора, когда труднее всего следить за правильностью собственной аргументации.

69. Ошибки в доказываемом тезисе сводятся к подмене его другим, близким к нему, но не тождественным с ним, что носит специфическое название игнорирования или подмены доказательства (*ignoratio sive mutatione elenchi*). Ошибки подобного рода очень часты в гуманитарных науках, когда, например, на указание, что следует поступать так-то, возражают ссылкой на то, что так, однако, не поступают, т. е. против тезиса<sup>17</sup> о должном выставляют суждение об обычном. Частный вид такой ошибки представляет собою подмена тезиса другим, могущим подействовать на чувства того, к кому обращаются со своим доказательством: это — так называемый «довод для данного человека» (*argumentum ad hominem*) или для какой-либо группы людей (*argumentum ad populum*), имеющей особые интересы, пристрастия, предрассудки. В гуманитарных науках такие подмены (непреднамеренные и преднамеренные) бывают очень нередко.

70. Ошибки в основаниях доказательства могут состоять в пользовании или основанием, ложность которого нам известна, либо может быть немедленно обнаружена, или таким, которое еще не доказано и само собою не очевидно, или же и таким, что само-то оно доказывается на основании доказываемого же тезиса. Для обозначения таких ошибок существуют в логике свои особые термины, каковы, не перечисляя всех, в случаях первого рода — ложная предпосылка или первичная ложь (греч. *prôton pseudos*), основное заблуждение (*error fundamentalis*),

16. В рукописи слово «последовательная» — приписка на полях. — Там же. Л. 11.

17. В рукописи исправлено с: «положения». — Там же. Л. 12.

в случаях второго рода — требование основания (*petition principii*), т. е. доказательства истинности самого основания, в случаях третьего рода — порочный круг (*circulus vitiosus*), круг в оправдании или в доказывании (*circulus in probando sive in demonstrando*).

71. Наконец, *ошибки в рассуждении* называются ошибкой произвольного или неправильного вывода, а также ошибкой мнимой необходимости (*fallacia fictae necessitates*), когда доказываемый тезис никоим образом невыводим из приводимых оснований, либо выводится из них посредством неправильного умозаключения. Здесь или происходит произвольное присоединение вывода к основаниям, или умозаключение делается совершенно неправильным образом. В учении об умозаключениях логика обращает особое внимание на ошибки этой частной категории.

72. Выяснение условий<sup>18</sup>, соблюдение которых приводит к правильным умозаключениям, где наблюдается действительно логическая связь между выводами и посылками, имеет в логике очень важное значение, и самое это выяснение делается в целях предупреждения относительно могущих<sup>19</sup> происходить в умозаключении ошибок. Дело в том, что если в одних случаях человек не может мыслить неправильно, т. е. нарушать логические законы мышления, то в других, наоборот, может такие законы нарушать, что дает основание для деления этих законов на естественные, подобные законам природы, и на нормативные, аналогичные с постулатами (требованиями) этики, очень далеко людьми несоблюдаемые, чтобы не сказать больше. Первые из этих законов, как естественные, действуют в нашем мышлении с безусловной принудительной силой (для хорошо<sup>20</sup> знающих укажу на законы тождества, исключенного третьего и отчасти, именно для представлений, так называемый закон противоречия), тогда как другие такую силу не обладают и являются только нормами, которые люди, как и всякие нормы, не имеющие значения естественных законов, более или менее часто нарушают.

73. Одним нормативным логическим<sup>21</sup> законом мышления является *закон достаточного основания*, гласящий, что в правильном мышлении, кроме аналитических, логически необходимых суждений и суждений синтетических, найденных опытным путем, считаться также истинными могут только такие еще суждения, для которых уже имеются основания, достаточные для того, чтобы принудить нас с ними, этими суждениями, соглашаться, т. е. делать согласие с ними логически необходимым, как принято выражаться. Другой закон, наполовину (для представлений) естественный, наполовину (для мышления) нормативный, носит название *закона противоречия* (*lex contadictionis*<sup>22</sup>), сущность которого заключается в признании невозможности и недопустимости в правильном мышлении, чтобы

18. В рукописи исправлено с: «установление правил». — Там же. Л. 13.

19. В рукописи исправлено с: «могущих при этом происходить». — Там же.

20. В рукописи слово «хорошо» — приписка на полях. — Там же. Л. 14.

21. В рукописи слово «логическим» — приписка на полях. — Там же.

22. В рукописи лат. название — вставка на полях. — Там же. Л. 15.



что-либо имело и в то же время, будучи рассматриваемо в том ее отношении, не имело того же самого признака. Обычно этот закон, как известно, продолжает называться законом противоречия, хотя уже давно было указано, что его следовало бы называть законом непротиворечия или непозволительности противоречия. Мышлению бывает доступно то, что является недоступным для представления. Мы от природы неспособны представить или вообразить что-либо в одно и то же время существующим и несуществующим, большим и небольшим<sup>23</sup>, правильным и неправильным, но мыслить противоречие мы способны, ибо в противном случае никакими наглядными способами мы были бы не в состоянии разъяснить, что же такое противоречие. Поэтому мышление само по себе не подчинено закону, под властью которого находятся наши представления: в этой своей части закон противоречия нормативный.

74<sup>24</sup>. Если мы соблюдаем естественные логические законы мышления не только<sup>25</sup> без нашего ведома, но и без каких бы то ни было усилий или стараний с нашей стороны, то соблюдение нормативных законов требует нашего внимания к собственному мышлению, потому что в этих случаях довольно<sup>26</sup> естественны ошибки, так сказать, психологического происхождения, раз наше мышление вообще совершается не по одним логическим законам. Умственные процессы, которые мы называем умозаклечениями, как раз имеют ближайшее отношение к законам достаточного основания и противоречия. Ошибочные умозаклечения возможны одинаково и в рациональных, и в эмпирических науках и при пользовании как дедукцией, так и индукцией.

75. Умозаклечения, всегда выражаемые словесно при помощи винословных<sup>27</sup> союзов (ибо, так как, потому что, так что и т. п.) могут быть или действительными умозаклечениями (или *истинными*) с выводами, заключающими в себе нечто новое по сравнению с посылками, или умозаклечениями, только *кажущимися*, только повторяющимися вполне или отчасти<sup>28</sup> содержание посылок. В кажущихся умозаклечениях мы имеем или только словесные преобразования суждений, или повторения под видом вывода части содержания посылки, либо просто суммирование суждений, или превращения нескольких простых единичных в одно общее (случай полной индукции, о чем см. ниже), хотя бы эти кажущиеся умозаклечения и были иногда не без пользы, когда, например, словесное преобразование делает суждение более ясным или ярким, или создается новая, обобщающая формула, хотя бы и без нового содержания.

76. К умозаклечениям, ошибочно принимаемым за годные для *доказывания*, относятся такие, которые, будучи сами по себе истинными, только могут приводить нас к более или менее важным в научном отношении *догадкам*, но не более

23. В рукописи исправлено с: «маленьким». — Там же.

24. В рукописи объединены параграфы 74 и 75 в 1. — Там же. Л. 15-16.

25. В рукописи слова «не только» — вставка на полях. — Там же. Л. 15.

26. В рукописи слово «довольно» — вставка на полях. — Там же. Л. 16.

27. В рукописи слово «винословных» — вставка на полях. — Там же.

28. В рукописи фраза «вполне или отчасти» — вставка на полях. — Там же.

того. Здесь имеются в виду, во-первых, *неполная индукция*, во-вторых, аналогия. Индукция, собственно говоря, значит *наведение*, в смысле распространения чего-то на что-то или обобщения. В индукции различают три вида: полную или совершенную, неполную или несовершенную (у некоторых популярную, так сказать, «обывательскую») и научную. Оставляя последнюю пока в стороне, отметим, что полную индукцией называется такое обобщение, когда<sup>29</sup> мы, вместо того, чтобы перечислять до конца единичные суждения такого рода, как «Меркурий вращается вокруг Солнца с запада на восток, Венера вращается вокруг Солнца с запада на восток, Земля вращается» и т. д. и т. д., суммируем их в одно общее суждение о вращении всех планет вокруг Солнца; здесь мы получаем только кажущееся умозаключение, ибо предполагаемый вывод не дает нам ничего нового сравнительно с посылками.

77. Неполная индукция отличается от полной тем, что посылками в ней служат указания на нечто верное относительно лишь *нескольких, а не всех* (как в полной) случаев или примеров, перечисляемых в посылках, как подходящих под одно общее понятие, с распространением этого же самого, как верного, на весь объем общего понятия. В выводе при неполной индукции получается уже нечто новое, больше того, что содержится в посылках, и следовательно мы здесь имеем дело не с простым суммированием, а с настоящим умозаключением. Неполную индукцию называют еще индукцией через простое перечисление, в котором не встречается противоречащего обстоятельства (*induction per enumerationem simplicem, ubi non reperitur instantia contradictoria*). Все дело здесь в том, чтобы иметь несколько однородных случаев, не хлопоча ни о том, чтобы их было как можно больше, ни о том, чтобы выбор<sup>30</sup> их был произведен в каком-нибудь порядке, под одним лишь условием, чтобы они соответствовали выводу, а не стояли с ним в противоречии. Но именно простота такого перечисления и является препятствием для признания неполной индукции видом доказательства, хотя не исключает несколько возможности для нее быть способом создавать догадки. Мы еще увидим, что требуется от индукции, дабы она была действительно доказательством. Гуманитарные науки часто пользуются неполной индукцией, но когда при этом смотрят на нее, как на настоящее индуктивное доказательство, впадают в ошибку. (Пример неполной индукции: «золото, серебро, медь, железо — хорошие проводники электричества, а это все металлы, следовательно, металлы — хорошие проводники электричества».)<sup>31</sup>

78. Таковую же ошибку допускают и те, которые готовы принимать за доказательства и *умозаключения по аналогии* — прием, очень часто практикуемый в гуманитарных науках. Аналогия (уподобление) состоит вот в чем: если в двух предметах

29. В рукописи густо зачеркнуто несколько слов текста. — Там же. Л. 17.

30. В рукописи исправлено с: «подбор». — Там же. Л. 18.

31. В рукописи фраза «Пример неполной индукции: „золото, серебро, медь, железо — хорошие проводники электричества, а это все металлы, следовательно, металлы — хорошие проводники электричества“» — приписка на полях. — Там же.

или классах предметов обнаруживается некоторое сходство или сходства в одном отношении, то мы ожидаем, что и еще какое-либо<sup>32</sup> свойство в одном предмете, но в другом нами пока незамеченное, также в нем будет найдено. Притом, чем больше сходства представляют для нас между собою оба объекта наблюдения, тем сильнее в нас уверенность, что и в дальнейшем будет открываться то же самое. Умозаключения по аналогии направляют мысль ученых на такие стороны предметов, исследование которых обещает дать важные результаты, ведут к новым догадкам, ложатся в основу целых теорий — каковую, например, была органическая социология, стремившаяся понять общество по аналогии с организмом, но доказательствами истинности каких-либо суждений отнюдь служить не могут.

79. В дальнейшем изложении логических предпосылок методологии мы остановимся на учениях, во-первых, о *силлогизмах*, имеющих громадное дедуктивное значение, на *гипотезах*, как предварительных ступенях знания<sup>33</sup>, и на третьем виде индукции, называемом *научной индукцией*. Мы не будем здесь касаться *гносеологической* природы силлогизмов, т. е. их отношения к логическим законам мышления, объяснения и оправдания их последним, потому что на первом плане у нас должно стоять их *методологическое* значение, как истинных<sup>34</sup> умозаключений, пригодных для доказывания научных истин. Такие умозаключения могут быть непосредственными, когда для согласия с выводом достаточно одной только посылки, и опосредованными, требующими не менее пары посылок, взятых вместе, дабы принудить к согласию с выводом. Первые не расширяют нашего знания, а только могут его преобразовать, делая его словесное<sup>35</sup> выражение иногда более пригодным для дальнейших умственных операций (подобно кажущимся умозаключениям), тогда как вторые, именно и называемые силлогизмами, наоборот, особенно содействуют расширению знания.

80. Ввиду этого последнего обстоятельства в логике особенно разработана теория силлогизмов, как самой важной части всякого доказательства и даже необходимого условия самого научного знания. Силлогизм может, как известно, быть определен в смысле умозаключения, в котором, *на основании нескольких суждений* (не менее двух в простом силлогизме), *с необходимостью выводится новое суждение*, называемое заключением. Силлогизмы разделяют на простые и сложные, но, в сущности, сложные являются только соединениями простых. Напомню еще, что логика подразделяет простые силлогизмы на категорические, разделительные и условные, и что она особенно много занимается категорическими силлогизмами. Для примера того, какие правила устанавливаются для силлогизмов, остановимся на категорическом, требующем, чтобы в обеих посылках было одно общее понятие, вследствие чего в обеих посылках должно быть обязательно три понятия: два, встречающиеся по одному разу, и одно, встречающееся дважды. Понятия эти

32. В рукописи исправлено с: «другое». — Там же. Л. 19.

33. В рукописи слова «как на предварительных ступенях знания» приписка на полях. — Там же.

34. В рукописи слово «истинных» — приписка на полях. — Там же.

35. В рукописи исправлено с: «формульное». — Там же. Л. 20.

суть подлежащие и сказуемые обеих посылок, которых было бы четыре, если бы что-либо из них не должно было быть общим и здесь, и там. Понятия эти называются терминами силлогизма, из которых общий, который носит название среднего, схематически обозначают буквою М (medius, средний), тогда как сказуемое Р (т. е. praedicatum) называется *большим* термином силлогизма, а подлежащее S (т. е. subjectum) — *меньшим*, в зависимости от чего посылка, содержащая больший термин, называется сама большею, а та, в которой находится меньший — тоже меньшею. Схема силлогизма такова: S есть М, а всякое М есть Р, следовательно S есть Р. Например, Кай человек, а все люди (человеки) смертны, следовательно, Кай смертен. В данном примере большею посылкою нужно признать вторую, обыкновенно же принято большую ставить впереди.

81. Напомню еще, что от мест, занимаемых средним термином в обеих посылках, получаются разные так называемые *фигуры* категорического силлогизма с подразделением каждой на *модусы*<sup>36</sup> в зависимости от утвердительности или отрицательности суждений посылок или от общего или частного содержания; это доводит арифметическую<sup>37</sup> возможность модусов в возможных четырех фигурах до 64, а с единичными даже до 144, хотя на деле из 64 правильных модусов признается только 19. Все это представляет более схоластический, нежели научный интерес, так что в методологическом отношении может быть признано важным далеко не все, что в логиках говорится о силлогизмах. Мы можем здесь ограничиться напоминанием о двух правилах и соответствующих ошибках. Прегрешением против требования о том, чтобы в силлогизме было только три термина, является так называемое учетверение терминов (по латыни quaternion terminorum), заключающееся в употреблении одного и того же выражения не в одном и том же значении в разных частях силлогизма, т. е. или в обеих посылках, или в одной из них и в выводе. Этот вид ошибочных силлогизмов не настолько редок, чтобы о нем не упоминать<sup>38</sup>.

82. Другое нарушаемое иногда общее правило, даже, так сказать, разветвляющееся на два частных правила, касается так называемой *распределенности понятий* в суждении. Под понятием, распределенным в данном суждении, следует разуметь понятие, которое входит в состав суждения таким образом, что последнее вне всякого сомнения должно быть отнесено ко всему объему данного понятия. Если же понятие будет входить в состав суждения так, что последнее будет относиться только к части объема этого понятия, то оно явится уже не распределенным в данном суждении. Так вот, во-первых, средний термин должен быть распределен хотя бы в той или другой посылке, т. е. по крайней мере в одной из них относиться ко всему объему понятия: если он не охватывает<sup>39</sup> всего объема ни в большей, ни в меньшей посылке, а мыслится лишь в некоторой части объ-

36. Далее зачеркнуты 2 слова. — Там же. Л. 21.

37. В рукописи слово «арифметическую» — приписка на полях. — Там же.

38. В рукописи последнее предложение — приписка на полях. — Там же. Л. 22.

39. В рукописи исправлено с «оказывается». — Там же.

ема, то будет неизвестно, что же это за часть, и одни ли же и те же части среднего термина мыслятся в обеих посылках, и вывода никакого будет сделать нельзя, как, например, из посылок: «золото — металл, серебро — металл». Во-вторых, из двух<sup>40</sup> других терминов силлогизма не может получиться вывода в значении всего объема, если он не имел такого значения в соответственной посылке, т. е. больший в большей, меньший в меньшей, потому что иначе мы говорили бы в выводе о тех<sup>41</sup> частях объема того или другого термина, о коих не было упомянуто в посылках. Вот примеры ошибок против обоих правил о распределенности терминов. Именно средний термин остается нераспределенным в силлогизме: «южане носят легкую одежду, носят легкую одежду неаполитанцы, следовательно, неаполитанцы — южане», и силлогизм получается ошибочный. Ошибочен и такой силлогизм, в котором больший термин в соответственной посылке нераспределен, но в выводе которого является, наоборот, распределенным: «студенты обязаны учиться, но школьники не студенты, следовательно, они не должны учиться».

83. Силлогизмы разделительные и условные выражаются формулами 1) *A* есть или *B*, или *C*; но *A* не есть *B*; следовательно *A* есть *C*, и 2) если *A* есть *B*, то *C* есть *D*; но *A* есть *B*; следовательно, и *C* есть *D*, причем в обоих случаях только одна из посылок должна быть разделительной или условной, а другая в первом случае может быть и категорической, и тоже разделительной и условной, а во втором — только категорической или условной, отнюдь не разделительной, откуда получают силлогизмы чисто-разделительные, разделительно-категорические, условно-разделительные, чисто-условные и условно-категорические, причем названия посылок большею и меньшею отпадают и заменяются соответственными их форме, т. е. они называются условными, разделительными, категорическими. Не входя в подробности, ограничимся только примерами могущих быть здесь неправильностей<sup>42</sup>. «Книги ценятся или из-за полезности содержания, или из-за изящества стиля; эта книга ценится из-за изящества стиля; значит, она не ценится из-за полезности содержания»; такой силлогизм неправилен, ибо «или» здесь берется в соединительно-разделительном смысле, поскольку книга одновременно может быть и тем, и другим, но если бы мы взяли вторую посылкою суждение: «эта книга ценится не из-за изящества стиля», то получили бы правильный вывод: «значит, она ценится из-за полезности содержания». В первом случае произошло смещение *соединительно-разделительного* смысла (или, или=и, и) с *чисто-разделительным*.

84. Одинаково при обоих смыслах союза «или» ошибка может произойти от *неполноты деления*, т. е. *перечисления* в разделительной<sup>43</sup> [посылке] всех возможных сказуемых, из которых хотя бы одно должно быть отнесено к подлежащему. На деле *A* может быть или *X*, или *Y*, или *Z*, но если мы разделительную посылку выра-

40. Слово «двух» в рукописи — приписка на полях. — Там же.

41. В рукописи слово «тех» — приписка на полях. — Там же. Л. 23.

42. В тексте зачеркнуто предложение: «Людей уважают или за ум или за доброту». — Там же. Л. 23.

43. В рукописи «разделительной» — вставка на полях. — Там же. Л. 24.

зим в форме « $A$  есть или  $X$ , или  $Y$ », а категорическую — в форме « $A$  не есть  $X$ », то вывод, что « $A$  есть  $Y$ » может оказаться ошибочным, будет на самом деле « $A = Z$ ».

85. В условно-категорических силлогизмах одной из возможных<sup>44</sup> ошибок бывает заключение *от согласия с следствием*, [ведущего] к необходимости согласия и с основанием. «Если данный четырехугольник есть квадрат, то его диагонали равны между собою, но данный четырехугольник не квадрат; следовательно его диагонали не равны между собою» — такое рассуждение неправильно, так как диагонали вообще<sup>45</sup> равны еще и у удлинненных четырехугольников, и у ромбов. Ошибочно также полагать, что *отрицание основания условной посылки* обязывает *отрицать* и ее следствие.

86. Важно, однако, иметь в виду одну оговорку, касающуюся того, что логика судит о *правильности и неправильности только формы умозаключений*, а не о верности или неверности получающихся в итоге суждений, т. е. судит о том, вытекает ли вывод из своих посылок, или же присоединяется к ним совершенно произвольно. Неправильные силлогизмы ничего не доказывают, но из этого не следует, чтобы по содержанию вывод не мог быть и верным, откуда возможность того, чтобы неправильные силлогизмы приводили к более или менее удачным догадкам. Вся сила силлогизмов в их формальной правильности.

87. Правда, Милль в своей «Системе логики» доказывал, что силлогизмы не расширяют знания, потому что, по его мнению, истинность большей посылки («все люди смертны») уже предполагает истинность вывода («Сократ смертен»), так как мы не имеем права допускать большую посылку, не допустив предварительно истинность вывода; вывод «Сократ смертен», по мнению Милля, уже подразумевается в посылке «все люди смертны», откуда и отрицательное его отношение к доказательству силлогизмов. Доказывая, например, теорему о квадратах, никто не станет справляться о существующих в действительности квадратах и о верности теоремы относительно какого-либо отдельного квадрата, а просто будет ее доказывать сразу для всех квадратов. То же делается и по отношению к смертности всех существ, подходящих под понятие человека, хотя многие еще не только<sup>46</sup> не умерли, но еще не родились. Вывод заключается не в одной большей посылке, но как раз в соединении их обеих, из которых ни в одной, в отдельности взятой, не подразумевается то новое суждение, каким является вывод.

88. Служа расширению знания, силлогизмы *обуславливают самое существование научного знания*. Нет знания, раз еще не доказана мысль, имеющая притязание быть знанием, но непосредственное знание, заключающееся в простом констатировании фактов (§ 59), потому и состоит только из единичных и частных<sup>47</sup> суждений, большую часть относящихся к прошедшему времени, ибо в форме настоящего времени можно говорить лишь о происходящем в самый момент, ког-

44. В рукописи «из возможных» — вставка на полях. — Там же.

45. В рукописи слово «вообще» — вставка на полях. — Там же.

46. В рукописи слово «только» — вставка на полях. — Там же. Л. 26.

47. В рукописи «и частных» — вставка на полях. — Там же.

да высказывается суждение. Правильно об установленном данными опыта можно говорить только, что то-то и то-то *оказывалось*, так как утверждение<sup>48</sup> о чем-либо, что оно *оказывается*, включает в себе нечто большее, нежели то, что установлено бывшими данными опыта, т. е. некоторое обобщение. Во всем непосредственном знании мы имеем только материал для науки, которая вся в суждениях, оправданных доказательствами; последние же состоят из правильных<sup>49</sup> умозаключений, расширяющих знание, каковыми и являются силлогизмы.

89<sup>50</sup>. Само существование силлогизмов имеет свое объяснение в логических законах мышления, в которых коренится логическая необходимость или неизбежность, под каковою разумеется невозможность что-либо отрицать без появления в наших мыслях противоречия. Посылки правильного силлогизма, так сказать, принуждают нас к согласию с выводом, и в этом-то и заключается логическая необходимость. Для того же, чтобы согласие с каким-либо суждением было логически необходимым; должны быть достаточные основания (§ 73), аналогичные, но (NB) далеко, конечно, не тождественные с тем, что представляют собою причины явлений, происходящих в мире: общее в них — *принудительная необходимость*. Все правила логики имеют значение только указаний на условия нарушения логических законов мышления (не естественных, исполняющихся автоматически, а нормативных § 6). Никакая наука не должна находиться в противоречии ни с установленными или доказанными фактами, ни с законными требованиями логики.

90. От вопроса о силлогизмах переходим, как было намечено в § 80, к вопросу о гипотезах. Совокупность фактов, установленных данными опыта, составляет только материал для науки, ставящей своею задачею *объяснить* происходящие в мире явления и даже на основании добытых объяснений их *предсказывать* и давать людям некоторую, хотя бы и ограниченную, возможность *распоряжаться* ими. Ни то, ни другое, ни третье невозможно без знания *причин*, производящих явления действительности, и законов, управляющих их необходимою связью, а само объяснение не может обходиться без тех же самых доказательств, которые употребляются в чисто-рациональных науках, за исключением только одного нового элемента, присущего одним наукам эмпирическим.

91. Этот новый элемент — *гипотезы*, пользующиеся в своих объяснениях<sup>51</sup> *доказательствами, которые сами нуждаются еще быть доказанными*. Самое слово (греч. hypothesis) значит «предположение» и может быть заменено русским словом «догадка». Догадками одинаково могут быть и единичные и частные, и общие суждения, которые в отличие от *категорических* суждений, которым в логике (в порядке относительности<sup>52</sup>) противопоставляются суждения условные и разде-

48. В рукописи исправлено с: «сказать о чем-либо». — Там же.

49. В рукописи слово «правильных» — приписка на полях. — Там же.

50. В рукописи этот и следующий параграфы ошибочно именованы одним номером 90. С этого момента нумерация параграфов в рукописи и машинописи совпадает. — Там же. Л. 27.

51. В рукописи слово «объяснениях» — приписка на полях. — Там же. Л. 28.

52. В рукописи слова «в порядке относительности» — приписка на полях. — Там же.

лительные, могли бы быть названы *гипотетическими*, если бы логика не имела еще суждений, в порядке модальности, *проблематические*, *аподиктические* и *ассерторические*: последние две категории имеют в виду *необходимость* чего-либо и *действительность* чего-либо, тогда как проблематические говорят лишь о возможности. Ассерторичность более соответствует знанию идиографическому, т. е. конкретных<sup>53</sup> явлений, аподиктичность — знанию номологическому, т. е. законов; но проблематичность может распространяться и на идиографическое знание, и на знание номологическое, так как<sup>54</sup> догадкой может быть либо какое-нибудь единичное или частное суждение о чем-нибудь, могущем оказаться действительным, либо какое-нибудь суждение общее, могущее превратиться в аподиктическое суждение. Нужно поэтому различать догадки идиографические, столь частые, например, в истории, и догадки номологические, без которых не обходится, между прочим, и социология. Раз существует разница между понятиями, нужно и терминологическое различение.

91. В трактатах логики под гипотезами понимаются, главным образом, догадки общего содержания, за которыми и следует сохранить преимущественно название гипотез. В таком случае, для тех предположений, столь частых в исторической науке, которые имеют в виду события и т. п., и аналогичных с ними, можно было бы пользоваться уже вошедшим в употребление термином *дивинация*, т. е. *угадывание*, хотя, вероятно, трудно было бы воздерживаться от распространительного понимания гипотез и от соответственного ему словоупотребления.

92. В трактатах логики дается обыкновенно много места вопросу о гипотезах и совсем не говорится о дивинациях по общему характеру логических исследований, направляющему их в сторону общего, а не частного и единичного знания, а между тем дивинации играют большую роль в гуманитарных науках, особенно в исторических их частях, и потому должны были бы занять и видное место в методологии этих наук, чего до сих пор почти не было. Сюда относятся, например, случаи анализа известных последующих событий для заключения от них к предыдущим событиям, фактически<sup>55</sup> мало или плохо известным, или совсем неизвестным. Благодаря большей конкретности дивинаций в сравнении с большей абстрактностью гипотез, первые только и могут разрабатываться лишь в специальных методологиях. Дивинации, однако, должны основываться на каких-нибудь доказанных теориях или, по крайней мере, на более вероятных гипотезах.

93. Выше уже было сказано, что строго-научное знание есть *достоверное* знание (ассерторические и аподиктическое<sup>56</sup>), гипотетическое же знание есть знание проблематическое, *вероятное*. Но в науке именно рядом с добытыми истинами существуют проблемы, задачи, первым приступом к которым и являются догадки в форме предположений (гипотез) и угадываний (дивинаций). Многие пробле-

53. В рукописи исправлено с: «отдельных». — Там же.

54. В рукописи зачеркнуты слова «заклучают в себе». — Там же. Л. 29.

55. В рукописи слово «фактически» — приписка на полях. — Там же. Л. 30.

56. В рукописи текст в (...) — вставка на полях. — Там же.



мы науки так и остаются проблемами, причем одни догадки сменяются другими, менее научные более научными, стремясь все более приближаться к доказанным теориям. Избежать их нельзя хотя бы в качестве предварительных ступеней настоящего знания и вспомогательных средств эвристического и дидактического, или мнемонического<sup>57</sup> значения, т. е. в первом отношении — как способа нахождения новых путей к знанию, во втором — способа более легкого усвоения и запоминания содержания<sup>58</sup> науки учащимися. Догадки первой категории, как могущие сделаться подлинным знанием, заслуживают название реальных, а имеющие лишь вспомогательное значение принято называть *рабочими*, причем эти термины уже давно приняты в логике, хотя одна и та же гипотеза может быть одновременно и реальной, и рабочей, а иногда рабочая гипотеза так и остается рабочей, особенно когда гипотеза заранее считается не соответствующей действительности, как полезная только фикция, т. е. откровенная выдумка.

94. В более тесном смысле гипотезой называется предположение о существовании недоступной прямому наблюдению, т. е. скрытой для нас при данном состоянии положительного знания, остающейся, следовательно, неизвестной причины, предположение, подтверждающееся лишь возможностью при его помощи нечто объяснить в действительности, в качестве необходимого следствия предполагаемой нами причины. В сущности, к числу догадок относятся, с точки зрения философского критицизма и позитивизма, и все ответы<sup>59</sup> на метафизические вопросы о начале всех начал, о сущности вещей, о материи и духе и т. п., т. е. о трансцендентных объектах, никогда не могущих сделаться наблюдаемыми в опыте. Нужно строго различать гипотезы и факты, к числу которых относятся не только явления действительности, но и доказанные законы ее явлений, не говоря уже о совокупности явлений, образующих всю действительность.

95. Превращение догадок в положительное знание мыслимо<sup>60</sup> тройким образом: 1) простым *установлением данных опыта*, 2) так называемым *апагогическим доказательством* и 3) *прямым доказательством*. Первым путем было совершено открытие в нашей Солнечной системе последней известной планеты<sup>61</sup>, Нептуна, существование которой было предположено для объяснения некоторых странностей в движении Урана, пока новая для нас планета не была усмотрена в телескоп и как раз там, где она предполагалась. В гуманитарных науках, сплошь и рядом, например, археологические находки подтверждают (или, наоборот, опровергают) разные высказывавшиеся учеными догадки. Дешифрование египетских иероглифов и вавило-ассирийской клинописи относятся к числу случаев подтверждения фактами сделанных предположений. Здесь мы имеем дело не с гипотезами, а с дивинациями, если держаться терминологии, предложенной в § 91.

57. В рукописи слово «мнемонического» — приписка на полях. — Там же. Л. 31.

58. В рукописи слова «и запоминания содержания» — приписка на полях. — Там же.

59. В рукописи исправлено с: «метафизические теории». — Там же.

60. В рукописи исправлено с: «совершаются». — Там же. Л. 32.

61. В рукописи слова «в нашей Солнечной системе последней известной планеты» — вставка на полях. — Там же. Л. 32.

96. Апагогическое доказательство состоит в опровержении всех мыслимых догадок, направленных на объяснение фактов, кроме одного, посредством обнаружения противоречий с действительностью в следствиях, которые необходимо вытекают из всех остальных гипотез. В сущности здесь употребляется прием, известный под названием приведения к нелепости или доведения до абсурда (§ 65), тогда как тем самым оправдывается гипотеза, оставшаяся неопровергнутой, как не встречающая противоречия с действительностью. Так восторжествовала в астрономии знаменитая догадка Коперника, его гениальное открытие устройства Солнечной системы, подтверждавшееся потом и фактами. Мыслима, наконец, и возможность того, что признания гипотетического объяснения станет требовать само знание, как прямо из него вытекающего следствия.

97. Догадки могут относиться не только к причинам явлений, причины же явлений<sup>62</sup> бывают допускаемы нами не на основании наблюдения только следствий, им приписываемых нами, но и прямо наблюдаемы в опыте, так что причины нам бывают даны в опыте, и задача лишь в том, чтобы доказать, что как раз данные обстоятельства, но не иное что-либо, влекут за собою интересующее нас явление, о причине которого мы пока лишь догадываемся. Одно явление считается вообще причиною другого лишь в том случае, если довольно наличности первого, дабы где бы то ни было и когда бы то ни было, безразлично, в одно ли время вместе с ним или немедленно после него, непременно наступало также и второе, т. е. раз возникает проявление X, возникает и явление<sup>63</sup> Y, причем для последнего не требуется еще наличности или появления каких-нибудь посторонних обстоятельств. Если данные опыта наводят нас на мысль, что X есть причина Y, то еще эта догадка нуждается быть доказанной в виде общего суждения: каждый раз, как возникает X, при всяких обстоятельствах возникает и Y, т. е. в виде *общего суждения о существовании причинной связи между двумя явлениями*.

98. Действие причины называется чаще *следствием*, но это не должно значить, что действие непременно следует за причиной, так как оно может быть и одновременным с ней, когда, например, железо одновременно и нагревается, и расширяется от нагревания, если только не интересоваться вопросом о том, что было причиною самого нагревания. Эта оговорка очень важна для различения по вопросу о причинности идиографической и номологической точек зрения: с последней важно *доказать*<sup>64</sup>, что расширение железа *везде и всегда* происходит от его нагревания, с первой же может представлять интерес *узнать*, что было причиною нагревания-расширения *данного* куска железа: то ли, что он лежал на солнышке, или был положен в огонь, в духовой шкаф, в кипящую воду, или подвергся продолжительному и сильному нагиранию. Единичное составное<sup>65</sup> суждение «этот кусок железа нагрелся-расширился, потому что кузнец положил его в сильное пла-

62. Следом в рукописи зачеркнуто несколько слов текста. — Там же. Л. 33.

63. В рукописи слово «явление» — приписка на полях. — Там же. Л. 34.

64. В рукописи исправлено с: «знать». — Там же.

65. В рукописи слово «составное» — приписка на полях. — Там же. Л. 35.

мя» не нуждается в доказывании, раз оно возникло, как непосредственное знание факта, но в следовании одних за другим *событий*, как причин и следствий, *причины всегда предшествуют следствиям*. Здесь приходится даже предупреждать, что следование во времени и причинная связь все-таки не одно и то же. <sup>66</sup>Post hoc, ergo propter hoc, т. е. «после этого, следовательно поэтому» — величайшая ошибка умозаключения.

99. Причина может быть простою и сложною, состоящую из нескольких причин<sup>67</sup>, из которых каждая имеет значение только составной части причины, хотя часто и такая составная часть также называется причиной, особенно если одна она только представляет для нас интерес в данное время. Во избежание недоразумений в последующем будут раздельно употребляться выражения «причина» и «часть причины». В своем месте будет еще подробно рассмотрено, что в идиографическом знании принято вообще говорить не о причине в единственном числе, а о причинах во множественном.

100. Вернемся к возникновению у нас догадки, что явление X есть причина явления Y, и к желанию доказать истинность этого суждения (§ 97). Достаточно ли, спрашивается, привести для этого несколько случайно пришедших на память примеров связи между явлениями X и Y? Если бы это было так, то неполная индукция могла бы что-либо доказывать (§ 77) или даже (§ 98) признавалась нами не за ошибку мышления. Доказывать такие общие положения о причинной связи, как приведенное выше суждение<sup>68</sup> об отношении между X и Y, действительно приходится индуктивно, но тут требуется *особая индукция, производимая по некоторым строго установленным правилам*, такая, которая отличалась бы и от полной индукции, только суммирующей знание без малейшего его расширения (§ 76), и от индукции неполной, ничего не доказывающей своим «простым перечислением», хотя бы и без одного противоречащего обстоятельства.

101. Такой, третий вид индукции, получивший название научной, был открыт или изобретен в начале XVII века английским родоначальником эмпирического направления новой философии, Бэконом, который, собственно говоря, обнаружил (открыл), что наука прибегает к индуктивным доказательствам, отличным от полной и неполной индукции, только и бывших известными в тогдашней логике, и сделал первую попытку формулировать (изобрел) правила подмеченных им доказательств. Вот почему этот вид индукции (научной или индукции по преимуществу) называют еще *бэконовскою*, как, впрочем, называют ее и *миллевскою*, по имени английского же мыслителя<sup>69</sup> Джона Стюарта Милля, который через двести с лишком лет после Бэкона исследовал природу бэконовской индукции и ясно и подробно изложил ее основные виды в своей «Системе логики». Милль придал

66. В рукописи зачеркнуто «Или, как говорится...». — Там же. Л. 35.

67. В рукописи зачеркнуто: «являющихся в таком случае его частью. Но мы обычно называем ее составной». — Там же.

68. В рукописи зачеркнуто далее: «объясняет связи между». — Там же. Л. 36.

69. В рукописи слова «по имени английского мыслителя» — вставка на полях. — Там же. Л. 37.

этому учению такую форму, что другие логики только его пересказывают без критики. К Миллю нам придется еще возвращаться, тем более что в его книге есть целый отдел о логике гуманитарных наук, здесь же укажу, что миллевское учение об индуктивных методах в дальнейшем излагается с поправками, внесенными в него А. И. Введенским в «Логике, как части теории познания».

102. Во-первых, Милль неправильно считает свои методы, как *способы открывать* причинную связь, т. е. впервые *догадываться* о ней, тогда как на самом деле вопрос здесь о *способах доказывания* уже возникших догадок, т. е. сделанных открытий. Во-вторых, Милль излагает пять методов, считая их как бы вполне между собою однородными, тогда как на самом деле три из них оказываются простыми, а два — сложными, каковых, однако, может быть и больше. В-третьих, А. И. Введенский несколько видоизменил (как это уже делалось и раньше) самые названия трех простых<sup>70</sup> методов прибавкою к существительным «совпадение», «различие» и «изменение» прилагательного «единственный», что действительно требуется существом дела и делает терминологию более точной. Прибавим, что миллевские правила имеют в виду доказывание общих суждений с характером естественных законов, а потому неприменимы к решению вопросов идиографического содержания. В дальнейшем мы только напомним сущность дела в каждом методе.

103. *Метод единственного совпадения* (или сходства, или согласия) состоит в подборе в данных опыта таких примеров или случаев возникновения явления Y, чтобы у них было только одно общее для них всех обстоятельство, именно присутствие явления X в каждом из них. Положим, что мы имеем четыре случая возникновения явления Y, единственно совпадающих только в том, что в каждом из них есть явление X.

То есть:

Явление Y возникло при обстоятельствах XABC

-//- Y возникло при -//- XABD

-//- Y возникло при -//- XACD

-//- Y возникло при -//- XCDE

Ни А, ни В, ни С не могут считаться причиною или частью причины Y, ибо они встречаются не во всех четырех взятых случаях, а А в трех, В — в двух, С и D — в трех, Е в одном, тогда как X есть во всех четырех: X есть причина Y.

104. *Метод единственного различения* требует подобрать (или NB: впервые создать при помощи эксперимента) наряду с каким-нибудь примером возникновения явления Y еще такой другой пример, в котором оно не возникло бы, но который был бы точь-в-точь таким же, как и первый пример, кроме лишь единственного различия: присутствия явления X в первом случае (когда явление Y возникло) и отсутствия явления X во втором (когда явления Y не оказалось):

Явление Y возникло при обстоятельствах XABC

-//- Y не возникло при -//- ABC

70. В рукописи слова «трех простых» — вставка на полях. — Там же.

т. е. ни А, ни В, ни С, ни соединение их не могут считаться причиной Y, но причиной или частью его<sup>71</sup> должно быть X, т. е. или одно, или в соединении с А, либо с В, либо с С. Пример: под колпаком воздушного насоса находится электрический звонок, звучащий при нажатии кнопки, когда под колпаком есть воздух, и при таком же нажатии перестающий звучать, когда из-под колпака воздух выкачан. Отсутствие воздуха — одна из причин издавания звука (другая — нажатие кнопки).

105. *Метод единственного изменения* (или перемены) требует подбора (или создания впервые экспериментом) среди данных опыта, по крайней мере, двух из таких случаев или примеров возникновения явления Y, чтобы 1) в каждом из них это явление возникло неодинаково, и чтобы 2) среди обстоятельств, при которых возникло это явление, неодинаковым или изменившимся оказывалось только явление X при полной неизменности других. Отмечая изменения разными цифрами при одних и тех же буквах, дадим этому методу такой схематический вид:

Явление Y<sub>1</sub> возникло при обстоятельствах X<sub>1</sub>AB  
 -//- Y<sub>2</sub> возникло при -//- X<sub>2</sub>AB

Здесь причиной явления Y может быть только явление X, ибо А и В оставались неизменными в обоих случаях, а Y между тем изменилось, когда то же произошло с X, которое и есть или причина, или часть причины Y. С точки зрения единственного изменения доказывается, например, причинная<sup>72</sup> связь между нагреванием железа и его расширением.

106. Из двух остальных методов, рассмотренных Миллем, один он сам называет сложным (из соединения первого со вторым), а другой, в сущности, тоже сложный, он считает простым, называя его *методом остатков*. Сущность его такова: доказав, что сложное явление XAB служит причиной другого сложного явления YMN, и доказав вместе с тем, что часть АВ первого служит причиной части MN второго явления, мы вправе заключить из всего этого, что оставшая часть (остаток) первого сложного явления (X) образует причину или часть причины остальной части (остатка) второго сложного явления (Y).

107. В сущности, в науке значение имеют не указанные простые методы, а сложные, по отношению к которым эти простые методы являются только составными частями, могущими быть одинаково как однородными, так и разнородными. В громадном большинстве случаев простые индуктивные<sup>73</sup> методы в результате дают не категорические суждения о полной причине, а только разделительные, говорящие, что такое-то явление принадлежит к причине, но не выясняющие, однако, составляет ли оно полную причину или только составную часть причины. Во всяком случае, полученное одним методом должно дополняться и даже проверяться другим. Даже метод полного совпадения сам по себе не дает категорического суждения о полной причине, а только условное: X надо считать полной причиной, если следует оговариваться, [что] только не ввела нас в заблуждение

71. В рукописи слова «или частью его» — приписка на полях. — Там же. Л. 39.

72. В рукописи слово «причинная» — приписка на полях. — Там же.

73. В рукописи слово «индуктивные» — приписка на полях. — Там же. Л. 40.

множественность причин, могущих повлечь за собою одно и то же явление. Возвращаясь к схеме:

Явление Y возникло при обстоятельствах XABC

--/-- Y возникло при --/-- XABD

--/-- Y возникло при --/-- XACD

--/-- Y возникло при --/-- XEDE,

мы можем даже при существовании множественности причин предположить, что причиной Y в первых трех случаях могло быть XA, а в четвертом одно E, так что мыслимо даже отсутствие какой бы то ни было причинной связи (полной или частичной) между X и Y, т. е. мыслима совершенная случайность<sup>74</sup> бросающегося в глаза совпадения. Во всяком разе, дело обстоит с миллевскими методами не так просто, как это может казаться при первом знакомстве с их упрощенными формулами. Ошибочные умозаключения могут быть и при пользовании ими совершенно так же, как и [при] употреблении силлогизмов.

108<sup>75</sup>. Некоторые различают в индукции, во-первых, *индукцию объема*, во-вторых, *индукцию содержания*. Б. Эрдман, являющийся инициатором этого деления, указывал на то, что такие-то и такие-то гектогональные кристаллы, взятые в отдельности, суть кристаллы двойного приложения, и заключая отсюда, что еще кристаллы данного рода имеют означенное свойство, называет такую индукцию — индукцией объема, поскольку здесь обобщение имеет отношение ко всему тому, что входит в состав объема понятия. Если же имеются в виду *не отдельные виды одного рода, а отдельные признаки какого-либо предмета*, подвергающиеся процессу индукции, то сама индукция при этом будет уже индукцией содержания. Вот пример ее у самого Эрдмана: «Это тело имеет серебряную блестящую поверхность магнезии; это тело имеет растяжимость магнезии; это тело имеет удельный вес магнезии; это тело при накаливании издает ослепительный белый свет магнезии: значит это тело — магнезия»<sup>76</sup>.

109. Только что указанный вид индукции, если уже так его называть, может иметь применение только в *идеографическом знании*, будучи, в сущности, не чем иным, как соответственным обобщением, в котором отдельные явления берутся не в качестве единичных *случаев*<sup>77</sup> какого-либо общего закона, а в качестве *частей* некоторого целого (§ 31), тогда индукция в обычном значении слова как раз относится к единичным *случаям* с точки зрения их, как простых *примеров*. Выше

74. В рукописи следом одно слово зачеркнуто.

75. В рукописи параграф 108: «Рассмотрев отдельно полную, неполную и научную индукцию, остановимся еще на принимаемом некоторыми авторами логических трактатов (Эрдманом, И. И. Лапшиным) четвертом виде, называемом *индукцией содержания*, с противоположением ее *индукции объема*, каковой и является, в сущности, всякая индукция, относящаяся к явлениям, подводимых под одно и то же понятие, т. е. составляющих его объем, будет ли то индукция полная, неполная или научная. Индукция содержания имеет в виду нечто иное». — Там же. Л. 42.

76. Авторская сноска Н. И. Кареева: *И. И. Лапшин*. Философия изобретения и изобретение в философии (1922). I. 186.

77. В рукописи слова «единичных случаев» — вставка на полях. — Там же. Л. 42.

было уже предложено называть упомянутый вид обобщения *интегрированием* или *синтезированием* (§ 33), в котором мы, несомненно, идем от частного к общему, составляя, однако, из простых единичностей единичности сложные. Такая умственная операция напоминает полную индукцию, суммирующую, как мы видели (§), отдельные явления-примеры<sup>78</sup> для выражения их в одном общем правиле, между тем как рассматриваемое индукцирование отдельных явлений-случаев служит для образования понятий о единичном явлении, в состав которого входят эти явления-случаи. Пусть сравнят суждения о движениях планет вокруг Солнца (§) постоянно повторяющихся, и о собирании Руси (§ 33), бывшем только один раз, как таковом, среди других подобных собраний территорий (Франции, Пруссии и т. п.).

110. То, что в явлениях, изучаемых наукою, наблюдается неоднократно, т. е. повторяется, только и может служить материалом для *общих* и *частных*<sup>79</sup> суждений, *единичные* же суждения имеют индивидуальное содержание, относясь к чему-либо, бывшему или данному в настоящий момент лишь *однажды* или лишь в *одном месте*. Только то, что повторяется неоднократно, и может быть исключительно предметом полной, неполной и научной индукции, но этими повторяющимися могут быть только те или другие *элементы* явлений, их *стороны* или *признаки*, отнюдь не сами явления, как *конкретные события*, однажды<sup>80</sup> случившиеся в таковое-то время и в таком-то месте. Расширение железа от его нагревания происходит всегда и везде, т. е. постоянно наблюдалось, но каждый единичный случай бывавших (как и будущих) нагреваний строго индивидуален. Факт совершился и, как говорится, канул в вечность, и если я в другой раз нагрею железо, то это будет *другой* факт, а не *прежний*, который не может возвратиться назад из поглотившей его вечности. Постоянно повторяется вращение земли вокруг своей оси и зависящая от этого смена дня и ночи, но каждый раз приходит *новый* день, наступает *новая* ночь, а не старые возвращаются. Всякое возникновение, наступление и т. п. чего-либо есть нечто *новое*, хотя бы и в *старом виде*. Каждое событие в широком смысле слова занимает свое определенное место в какой-нибудь<sup>81</sup> причинно-следственной цепи, тоже определенной в пространственном и временном отношениях. «Никто, говорил один древний философ, не бывал дважды в одной и той же реке».

111. Наблюдаемые нами повторения чего-либо в явлениях действительности мы часто называем *общими правилами*, не придавая им *нормативного* значения, но считая зато случаи, подходящие под эти правила, *нормальными*, а не подходящие — *исключениями* из правил. Таково, например, грамматическое правило, что существительные имена в русском языке, оканчивающиеся на *о*, все среднего рода за такими-то и такими-то исключениями. Такие правила, получающиеся путем

78. В рукописи слово «примеры» — вставка на полях. — Там же.

79. В рукописи слова «и частных» — вставка на полях. — Там же. Л. 43.

80. В рукописи слова «однажды» — вставка на полях. — Там же.

81. В рукописи слова «в какой-нибудь» — вставка на полях. — Там же. Л. 43.

полной<sup>82</sup> индукции, но с встречающимися при этом противоречащими случаями (не допускаемыми в индукции неполной, § 77), всегда, кроме того, ограничиваются *группами* предметов, данными нам в определенном месте и в определенное время: слова среднего рода с нормальным окончанием на *o* находятся только в русском и других славянских языках, да и то с известного времени, ибо в праарийский период те же слова оканчивались, вероятно, на *am* (санскр. *am*, греч. *on*, лат. *ut*). Русский язык, отдельные явления которого подводятся под массу индуктивно установленных правил, в конце концов, есть нечто единичное, в котором все беспрестанно и постоянно повторяется, и в то же время каждая отдельно произнесенная фраза представляет собою нечто такое, что никогда не возвратится. Нужно различать *неповторяемость* и *невозвратимость*. Строго *идиографическое* знание есть знание о том, что неповторимо во всех своих подробностях и невозвратимо, знание же *типологическое* (§ 40) и *номологическое* — знание о неизменно повторяющемся в некоторых или в особенности всех неповторимых во всех своих подробностях<sup>83</sup> и безусловно невозвратимых явлениях. Все различие между типологией и номологией то, что в первой могут быть только *общие правила*, допускающие исключения, а в последней — научные<sup>84</sup> *законы*, отличающиеся безусловным значением.

112. Под законами природы, или естественными законами, — или же законами действительности, как их лучше называть, чтобы мыслилась при этом не только природа в смысле физического мира, — разумеется *единообразие во взаимоотношениях явлений действительности*, заключающееся в том, что при наступлении одних и тех же строго определенных событий или обстоятельств всегда и везде наблюдается повторение одних и тех же строго определенных явлений. Связь между явлениями, требуемая естественными<sup>85</sup> законами, называется *законосообразностью* или *закономерностью*, причем второй вариант есть не совсем верный перевод с немецкого и, пожалуй, должен уступить право на исключительное употребление первому. Эти законы мы называем притом *естественными*, имея в виду их объективное существование, и научными, когда мыслим их, как общие суждения, в которых эти законы формулируются.

113. Логика занимается вопросом о том, как доказываются догадки о существовании тех или других законов, к которым (догадкам) мы так или иначе приходим. Если к научным<sup>86</sup> законам отнести (чего обыкновенно не делается<sup>87</sup>) и общие истины математики, говорящие о единообразиях в пространственных и количественных отношениях, то уже по одному тому следует признавать возможность доказывания научных законов *чисто-рациональными способами*, но даже если исключить отсюда истины математики, то нужно иметь в виду, что совершенно

82. В рукописи слово «полной» — вставка на полях. — Там же. Л. 44.

83. В рукописи слова «во всех подробностях» — вставка на полях. — Там же. Л. 45.

84. В рукописи слово «научные» — вставка на полях. — Там же.

85. В рукописи слово «естественными» — вставка на полях. — Там же.

86. В рукописи исправлено с: «естественным». — Там же. Л. 46.

87. В рукописи слова «чего обыкновенно не делается» — вставка на полях. — Там же.



по образцу математического, абстрактно-дедуктивного метода работают теоретическая механика и рациональные части физики, тогда как в остальных науках господствуют *индуктивные методы* доказывания законов, соединенные с констатированием данных опыта. Миллевские правила доказательств причинной связи являются и способами доказывания законосообразных связей вообще, по отношению к которым причинные связи имеют только характер частного их вида.

114. Научные законы могут быть разделены на *точные* и *эмпирические* в зависимости от того, насколько они проверены, и потому, насколько мы можем на них полагаться, как на вполне доказанные, несомненные<sup>88</sup> истины, относительно которых можно быть уверенными, что никогда не случится что-либо им противоречащее. Таковы в особенности истины математики, хотя бы, например, теоремы геометрии. Сюда относятся такие законы природы, как пропорциональность притяжения массам тел и обратная его пропорциональность квадратам расстояний, пропорциональность квадратов времени колебания маятника его длине, обратная пропорциональность плотности и объема газов<sup>89</sup> и множество других подобных формул, так или иначе доказываемых *точными* науками.

115. Наоборот, название законов эмпирических присвоено тем общим формулам, соответствие которых с действительными явлениями принимается нами не с такою уверенностью, как по отношению к точным законам, а только с известною степенью вероятности. Примером эмпирического закона может быть постоянная связь между двумя признаками целого класса животных, а именно между *жвачностью* и *раздвоенностью копыт*, связь, устанавливаемая, кстати сказать, методом единственного совпадения (§ 103), примененного в данном случае не к причинной связи, а к сосуществованию явлений. Характерная особенность эмпирических законов заключается в том, что они доказываются именно только методом единственного совпадения и напоминают полные индукции через перечисление, в котором не встречается противоречащего примера (§ 77). Если бы обнаружен был вид жвачных млекопитающих однокопытных или двукопытных, но не жвачных, мы могли бы говорить о соединении жвачности с однокопытностью, как об общем правиле, а о предполагаемом виде, как об исключении. Точно так же до открытия спутников Урана и Нептуна можно было думать, что все тела нашей Солнечной системы, т. е. и планеты, и их спутники движутся с запада на восток (справа на лево по человеческой мерке), но оказалось, что спутники двух названных планет совершают свое движение в обратном направлении, и то, что, казалось, могло бы быть эмпирическим законом, есть только простое правило, допускающее исключения. (Кстати, афоризм: «исключения только подтверждают правила» логически противоречив, ибо они не подтверждают, а ограничивают, превращая общее суждение обо всех случаях в частное суждение только о большинстве, хотя бы и подавляющем).

88. В рукописи слово «несомненные» — вставка на полях. — Там же. Л. 47.

89. В рукописи слова «обратная пропорциональность плотности и объема газов» — вставка на полях. — Там же.

116. Далее по своему содержанию естественные<sup>90</sup> законы разделяются на законы об *единовременности* и *последовательности* явлений. В своем курсе «Положительной философии» Огюст Конт назвал законы об единовременности законами *существования*, обозначив их термином *статистические*, а другие — *динамическими*; но законы существования (например, жвачности и двукопытности) представляют собою только один вид законов об единовременности, рядом с которым есть другой — единовременного возникновения (например, обратная пропорциональность объема газа и его плотности), причем наступление одной перемены сопровождается наступлением и другой. Под законами последовательности разумеются порядки смены явлений одних другими или следования их одних за другими. Что касается до контовских терминов, то, как заимствованные специально из механики, их лучше отвергнуть, заменив их другими, более соответственными самому существу дела, т. е. единовременности в одних случаях и последовательности в других, что лучше всего обозначить терминами: *синхронические* (греч. «*συν*», т. е. предлог «с» и «*chronos*», время) и *консекутивные* (последовательные).

117. Консекутивные законы в свою очередь должны быть подразделены. В-первых, это — законы *периодических смен*, например, дня и ночи, весны, лета, осени и зимы, зависящих от времен года — перелетов птиц с юга на север и обратно и т. п. Во-вторых, это — обычные законы *причинности* или *каузальные*, когда из двух неизменно<sup>91</sup> связанных между собой явлений одно является причиной другого, хотя действие может возникать и одновременно со своею причиной (§ 98). В трактатах логики каузальные законы преимущественно, чуть не исключительно, имеются в виду, когда говорится о законах последовательности. Наконец, особую категорию консекутивных законов представляют собою *законы развития* или *эволюционные*, выражающие те постоянные порядки, в каких происходит развитие, прежде всего, животных и растительных организмов, взятых каждый в его отдельности, а также развитие всего в неорганической природе и в человеческой культуре. Обыкновенно эта категория в трактатах логики обходится полным молчанием. Из законов последовательности я, впрочем, исключил бы те, которые выражают периодичность, потому что ими отменяется лишь возвращаемость некоторых состояний, являющихся следствием других причин (например, суточного и годового обращения Земли вокруг Солнца), тогда как каузальные и эволюционные законы образуют все *вперед* и *вперед* идущие цепи из *причин* и *следствий* с превращением самих<sup>92</sup> следствий в причины дальнейших новых следствий, или *ступеней* (стадий, фазисов) развития, с невозвратимостью в обоих случаях пройденных моментов. Схема периодичности может быть выражена рядом: А, В, С, D, А, В, С, D, А, В, С, D и т. д., тогда как причинные и эволюционные ряды действительных перемен, наблюдаемых в действительности, символизируя причинную связь знаком +, а эволюционную знаком =, будут такими:

90. В рукописи слово «естественные» — вставка на полях. — Там же. Л. 48.

91. В рукописи слово «неизменно» — вставка на полях. — Там же. Л. 49.

92. В рукописи «самих» — вставка на полях. — Там же. Л. 50.

A + B + C + D + E + F + G + H и т. д.

A = B = C = D = E = F = G = H и т. д.

118. Каузальная связь наблюдается в последовательности *событий*, из которых одно, как причина, предшествует другому, как его следствию<sup>93</sup>: сильный дождь (одно событие) вызвал выход из берегов реки (другое событие), что повлекло за собою гибель скота (третье событие) и т. д., — пример причинной цепи, где предшествующее — причина последующего, но сказать, что ночь, предшествующая дню, есть причина дня, или, чтобы детство было причиной юности, юность — зрелости, зрелость — старости, мы не можем. Эволюционная связь, значит, отличается от причинности: семя, проросшее, превратившееся в растущее и выросшее растение, давшее цвет, из которого образовался плод, это — одно и то же существо (что я символизирую знаком =, только на разных ступенях своего развития, или в разных эволюционных стадиях, фазисах, причем процесс этот не может быть повторен одним и тем же существом, хотя бы даже только дважды и не может быть проделан в обратном порядке. Но равным образом и никакая причинная цепь не может быть пройдена в обратном порядке, т. е. гибель скота сделаться предшествующею причиною сильного ливня и т. п., да и если бы подобный процесс повторился, то это не было бы возвращением к старому, как это бывает в положениях земного шара в отношении к Солнцу, а наступлением нового, хотя и аналогичного старому (ср. §).

119. Если *причинные* цепи состоят из *событий*, то *эволюционные ряды* складываются из *состояний*, проходимых или переживаемых, как предметами неорганической природы и организмами, так и культурно-социальными формами. Этому размежеванию каузальных и эволюционных законов я приписываю большую методологическую важность для гуманитарных наук, для которых имеют значение не только каузальные законы, особенно выдвигаемые такими отделами номологического<sup>94</sup> естествознания, как физика и химия, но и эволюционные, преимущественно могущие интересовать биологов. Перенесение в гуманитарные науки понятий естественных законов, действующих в мире явлений, совершилось из области наук о неорганической природе, которую, главным образом, имеют в виду отделы логики, посвященные индукции.

120. Не иначе, как на основании эмпирических данных и путем типологической индукции (§§) устанавливаются эволюционные законы, т. е. общие для каждой специальной области знания формулы, в которых выражаются порядки, в каких проходят развития, например, отдельных представителей того или другого растительного или животного вида, — то, что в зоологии называется «историей развития». Эволюционные законы формулируются в виде общих законов на основании умозаключения от ряда единичных случаев к тому общему, что в них обнаруживается. В гуманитарных науках, как увидим в своем месте, это достигается при

93. В рукописи зачеркнута фраза: «Селевой обвал, сам вызванный чем-либо предшествующим, загроздил руслу реки». — Там же. Л. 51.

94. В рукописи слово «номологического» — вставка на полях. — Там же. Л. 52.

помощи *сравнительного* (сравнительно-исторического, историко-сравнительного) *метода*, обнаруживающего параллелизмы в развитии культурных состояний и форм, которые, в свою очередь, скрывают под собою эволюционные законосообразности.

121. Наиболее совершенными в смысле точности являются те законы, которые выражаются в математических формулах и, следовательно, заключают в себе указания на количественные отношения (ср. примеры в §). Некоторые воображают, что только формулы количественных отношений заслуживают названия законов по примеру физики, а другие думали сочинять аналогичные формулы даже для так называемых (ошибочно, как увидим) исторических законов. Если бы, действительно, было так, т. е. если бы естественные законы всегда были, так сказать, по крайней мере наполовину родственными математическим истинам, то пришлось бы отказаться от всякого номологического знания за пределами наук о неорганической природе или, по крайней мере, для всех качественных законов придумать новый термин, что и с логической точки зрения было бы недопустимым, так как обе категории законов доказываются одними и теми же методами.

122. Остановившись на силлогизмах и на индукции, как на методах доказывания научных положений, мы должны хотя бы слегка коснуться вопроса об их взаимных отношениях. Бэкон, родоначальник научной индукции, отрицал значение силлогизмов, и по его пути пошел, равным образом, и Милль (§ 87), видевший в силлогизме только то, что в логике называется «*petition principii*» (§). На самом деле, по бэконо-миллевским методам нельзя сделать ни одного нового заключения, не подводя исследуемый предмет под общие суждения, значит, не прибегая к силлогизму. Исследователи миллевских методов даже прямо указывают иногда, какие силлогизмы усматриваются в таких методах. Во всяком случае, противопоставление силлогизма индуктивному методу, как ему противоположного и именно дедуктивного, повлекло за собою, однако, очень неодинаковое понимание взаимных отношений и обоюдного значения силлогизмов и индукции.

123. С довольно-таки сбивчивым и произвольным употреблением разными авторами терминов *индукция* и *дедукция* очень и очень приходится считаться в методологических исследованиях (ср. §). Самому понятию индукции придается также различный смысл (§), вследствие чего у одних авторов одна и та же наука считается индуктивной, у других дедуктивной, и только какое-нибудь более или менее однообразное понимание термина может вывести из путаницы понятий. Если термин «индукция» ведет свое начало еще от Сократа, то «дедукция» в логике является нововведением прошлого столетия.

124. Обычно как-то принято сближать между собою понятия абстрактности, рационального знания, а также дедуктивного метода, с одной стороны, и более конкретного содержания, эмпирического знания и индуктивного метода, с другой, хотя *логических оснований* для этого не существует, *психологическая же причина* этого, по-видимому, заключается в том, что одни понятия кажутся более родственными с черпанием истины в самом разуме, в логике, в аналитических

суждениях, в определениях или в априорных идеях, другие — стоящими ближе к свидетельствам опыта, к фактам, к непосредственным<sup>95</sup> синтетическим суждениям, ко всему, так сказать, апостериорному. Многим кажется, что во всем последнем гораздо больше реализма и объективизма,<sup>96</sup> даже вообще научности, тогда как в остальном преобладают субъективизм, идеализм, метафизичность. Все это, однако, оказывается и путаницей понятий, и результатом малого знакомства с действительным характером кажущихся слишком противоположными направлений в процессах познания действительности.

125. В научном знании, кроме аналитических суждений, к каковым сводятся все рациональные определения, и суждений синтетических эмпирического происхождения, есть еще такие общие синтетические суждения, которые<sup>97</sup> никоим образом и никогда не могут быть доказаны, а между тем должны быть признаны, даже с логическою обязательностью, ввиду их необходимости для всякого опосредованного знания. Такие общие синтетические суждения называются<sup>98</sup> *априорными* предпосылками или принципами знания, причем под прилагательным «априорный» здесь отнюдь не следует разуметь ни указания на предвзятость, произвольность, неосновательность, часто в просторечии отождествляемые с априорностью, ни употребления термина «a priori» в смысле чего-то заранее взятого за исходный пункт на основании уже бывшего<sup>99</sup> дознанным прежде, а не вновь произведенного исследования.

126.<sup>100</sup> Без таких общих синтетических суждений, принятых<sup>101</sup> нами без всяких доказательств и даже без малейшей надежды на то, что когда-нибудь они будут доказаны, принятых за первые (здесь смысл выражения «a priori»), основные принципы знания, в науке можно было бы обходиться только при одном из двух условий, а именно, если бы общие суждения могли оправдываться путем опыта, в котором мы познаем только единичные явления, или если бы общие синтетические суждения были доказуемы без помощи других таких же суждений, т. е., например, правильно выводимы из аналитических посылок, значит, двух условий одинаково логически неосуществимых по самой природе обоих видов суждений.

127. Прежде всего к числу таких априорных суждений относится *принцип причинности*. Мы можем так или иначе объяснять происхождение мысли о причинной связи явлений действительности, но мало ли какие мысли возникают в нашем уме, и факт<sup>102</sup> существования мысли еще не есть ее оправдание. Далеко не все явления уже встречались в опыте, так как постоянно даже открываются новые, да и неизвестно из опыта, как происходили явления, не имевшие никаких очевидцев,

95. В рукописи слово «непосредственным» — вставка на полях. — Там же. Л. 55.

96. В рукописи зачеркнуты слова «тогда как...». — Там же.

97. В рукописи исправлено с: «никогда». — Там же. Л. 56.

98. В рукописи слово «называются» — вставка на полях. — Там же.

99. В рукописи слово «бывшего» — вставка на полях. — Там же.

100. В рукописи зачеркнуто начало фразы: «В науке можно было бы обходиться без...». — Там же.

101. В рукописи исправлено с: «принимаемых». — Там же.

102. В рукописи слово «факт» — вставка на полях. — Там же. Л. 57.

или как будут происходить в будущем, причем, наконец, в тех случаях, когда принцип оправдывался опытом, в сущности, все-таки происходило умозаключение, исходившее из принципов причинной связи.

128. С другой стороны, всем известны так называемые аксиомы или самоочевидные истины, из которых исходит математика, справедливо почитаемая, как известно, самую точную наукою, а между тем математика даже совсем не нуждается ни в каких данных опыта. Оба соображения о<sup>103</sup> принципе причинности, говорящем в общем виде: «все имеет свою причину», и о математических аксиомах, как о чисто априорных суждениях, без которых прямо невозможно опосредованное (научное) знание, уже относятся к области гносеологии, которая может преподавать такие же правила для методологии, как и логика.

129. <sup>104</sup>Априорность основных принципов научного знания есть нечто для нас непонятное, но непонятным может оказаться и нечто, заключающееся в доказанном синтетическом суждении, содержащем в себе изложение какого-нибудь закона природы. Так ньютоновским законом тяготения приписывается всем телам некоторое свойство, совершенно непонятное, необъяснимое самим понятием тела, т. е. из него не вытекающее. Наука не должна отвергать ни одного естественного<sup>105</sup> закона за одну только его непонятность, но в полном праве требовать от каждого<sup>106</sup> основательной доказанности и по мере возможности объяснения его из других, более общих законов, или способности служить объяснению других.

130. Искание объяснения всего непонятного для науки за пределами опытного знания представляет собою выход за границы научного знания, вступление в область метафизики, состоящей из недоказуемых гипотез, притом даже, быть может, не отличающихся между собою по степени вероятности, что, однако, не может препятствовать прибегать к тем или другим предположениям об истинном (ноуменальном) бытии или о «вещах в себе» (§ 5), лишь бы эти предположения не выходили из роли вспомогательных средств в разработке положительного знания, иначе говоря, не шли далее того, чем являются вообще рабочие гипотезы (§ 93), особенно если они могут иметь эвристическое значение, как это позволительно сказать об атомизме. Сама наука должна решать вопрос, какая из метафизических гипотез в качестве вспомогательного средства могла бы быть для нее полезна, если только вообще это нужно для той или другой науки самой по себе, а не для удовлетворения личной пытливости или потребности в вере.

131. От научных выводов следует требовать, чтобы их содержание, при пользовании или непользовании метафизическими предпосылками, было одинаково приемлемо и даже обязательно для людей разных метафизических устремлений, для чего оно не должно противоречить ни одному из этих направлений. Дело в том, что противоречие с какой-либо метафизической теорией только свидетель-

103. В рукописи далее зачеркнуто два слова. — Там же.

104. В рукописи зачеркнуто несколько слов. — Там же. Л. 58.

105. В рукописи слова «ни одного естественного» — вставка на полях. — Там же.

106. В рукописи слово «каждого» — вставка на полях. — Там же.

ствовало бы о принадлежности автора научного труда к противоположному лагерю. Наука должна быть нейтральной, например, между материализмом, в котором часто обвиняют естественные науки, и спиритуализмом, без которого считает возможным обходиться современная «психология без души». Возникновение и развитие такой научной психологии без всяких метафизических предпосылок имеет весьма важное значение для того характера, какой приняли гуманитарные науки, долгое время остававшиеся под властью метафизики и в частности последним прибежищем спиритуализма. Но и противоположное стремление элиминировать из гуманитарных наук психику, т. е. рассматривать культурные и социальные явления или, по крайней мере, последние по типу естествознания с чисто внешней, объективной точки зрения, смахивает на тенденцию к материалистической метафизике.

132. Считая ошибочными чуть не отождествление рационального знания, абстрактности и дедуктивного метода, идеализма, субъективизма, априоризма<sup>107</sup>, с одной стороны, и столь же тесную связь между эмпирическим знанием, конкретностью<sup>108</sup>, индуктивным методом, реализмом, объективизмом, апостериоризмом, с другой стороны (§ 124), нельзя не признать, что, в общем, направления первой категории способны более тяготеть к спиритуализму в смысле признания духовности мировой субстанции, а направления второй — к материализму, считающему эту субстанцию вещественной. Но что наука все более эманципируется от тесной связи с той или другой метафизикой, можно видеть из того, что встречаются представители естествознания, сохраняющие спиритуалистические воззрения и даже мистические верования, и, наоборот, материалисты среди занимающихся гуманитарными науками. Как бы то ни казалось противоречивым, если спиритуализм того или другого натуралиста не оказывает влияния на содержание его научных взглядов, а материализм гуманиста не сказывается на его выводах, наука только остается в вящей выгоде.

133. Таковы мысли, вызываемые вопросом об априорных суждениях в научном знании, одни из которых<sup>109</sup> прямо составляют одно из<sup>110</sup> необходимых условий научного знания, а другие или совсем в нем недопустимы, как предметы веры, или допустимы, но лишь в качестве рабочих гипотез, т. е. вспомогательных средств, вроде деревянных лесов при постройке каменного дома. Эти научные априорные суждения и метафизические гипотезы имеют в науке большое формальное значение, влияя на *способы понимания*, а не на *содержание знания*, последнее же имеет апостериорное происхождение в констатировании данных опыта. Нам и остается еще рассмотреть общие методы создания эмпирического материала науки, не входя в технические подробности, а оставаясь на обще-логической почве.

107. В рукописи слово «априоризма» — вставка на полях. — Там же. Л. 60.

108. В рукописи слово «конкретностью» — вставка на полях. — Там же.

109. В рукописи исправлено с: «которые, с одной стороны». — Там же.

110. В рукописи слово «одно из» — вставка в верхнем поле. — Там же. Л. 61.

134. Реальный материал науки создается<sup>111</sup> тем созерцательным отношением к действительности, которое состоит в планомерном и систематическом ее *наблюдении*, т. е. в подмечивании данных опыта. Формы этого наблюдения весьма разнообразны, да и очень не похожи одни на другие инструменты, помогающие наблюдать, все эти телескопы, микроскопы, спектроскопы, барометры, термометры, гигрометры и пр. и пр. Наблюдения бывают двух родов: *простое*, хотя бы и вооруженное подобными инструментами, и *экспериментирование*, производство экспериментов, делание опытов, употребляя последнее слово не в общем гносеологическом смысле, а в техническом значении испытания или пробы, что выйдет из наблюдения при особых<sup>112</sup>, преднамеренно созданных условиях, тоже требующих всяких аппаратов, вроде насосов, электрических машин, колб, реторт и т. п.

135. Эксперимент, как известно, отличается от простого наблюдения именно<sup>113</sup> тем, что при эксперименте для<sup>114</sup> наблюдаемого явления преднамеренно создаются особые, искусственные условия с целью испытать или испробовать, какой же получится результат наблюдения при этих необычных обстоятельствах. С точки зрения различия между простым наблюдением и экспериментом, науки могут быть разделены на *наблюдательные* или *обсервационные* и *экспериментальные*, причем первые пользуются особыми обсерваториями (астрономическими, метеорологическими и др.), вторые — *лабораториями* (химическими, физиологическими и др.).

136. Какой из способов наблюдения: простой или экспериментальный предпочтительнее другого? Этот вопрос заслуживает большого внимания, но прежде всего нужно помнить, что не все явления могут быть предметом экспериментирования. Мы можем подвергнуть ряду оптических опытов солнечный луч, заставив его пройти через маленькое отверстие в темное помещение или через прозрачную призму и сделать то и другое одновременно, заставить луч отразиться последовательно в нескольких зеркалах, заставить несколько лучей собраться в фокусе выпуклого стекла или вогнутого зеркала и пр. и пр., но *заставить* само солнце, например, сдвинуться с места, распасться на несколько частей, увеличить или уменьшить силу своего света, как в состоянии это сделать с каким-нибудь земным источником света, мы совершенно не в состоянии. Нам доступны эксперименты с малым количеством воды, которую мы можем заставлять замерзать или испаряться, но заставить замерзнуть целый океан не в наших силах. Прибегать или не прибегать к экспериментам в каждом отдельном случае зависит не от нашего произвола, но от фактической возможности при всем нашем желании сделать искусственный опыт или от этической недопустимости, например, подвергать людей вивисекции. Область применения экспериментального метода ограничена, между прочим, и в гуманитарных науках, где эксперименты или фактически не-

111. В рукописи исправлено с: «наблюдением». — Там же.

112. В рукописи слово «особых» — вставка на полях. — Там же.

113. В рукописи слово «именно» — вставка на полях. Там же.

114. В рукописи слово «для» — вставка на полях. Там же. Л. 62.



возможны, или нравственно недопустимы, хотя в просторечии часто и называют *социальными экспериментами распоряжения*<sup>115</sup> власти, оказывающиеся *post factum* своего рода пробами, которые, однако, производились вовсе не в *научных*, не в *исследовательских целях*. Такими «опытами» наука, конечно, пользуется, но для нее они — предмет простого наблюдения, как и другие социальные явления, совершавшиеся не ради познания объективной истины.

137. Между тем экспериментирование имеет несомненные преимущества перед простым наблюдением. Эти преимущества заключаются, прежде всего, в *облегчении* для нас: 1) возможности более точного *описания* явлений, раз мы, благодаря экспериментированию, наблюдаем изучаемые явления, сколько нам желательно, в одном и том же виде каждый раз; 2) возможности более точного выяснения причин того или иного явления; и 3) возможности точно<sup>116</sup> определить *количественную сторону* перемен, происходящих в явлениях, а это все очень важно для научной индукции, нуждающейся, по возможности, в большом числе тождественных случаев, в освобождении явлений от посторонних существующих обстоятельств (в их изолировании), в способах измерения<sup>117</sup>, которые позволяли бы придать законам математическую формулировку. Это — одно, а другое важное преимущество в том, что эксперименты открывают не наблюдавшиеся раньше, совершенно для науки новые явления природы, как это произошло с рядом физических и химических явлений (электрические явления, рентгеновские лучи, радиоактивность разных веществ и т. п.), которые без производства экспериментов оставались бы неизвестными в теории и без применения к техническим целям.

138. В логике достаточно выяснено методологическое значение экспериментации и выяснено значение двух разных видов наблюдения. Психология, а вместе с нею гносеология, различают *опыт внешний* и *опыт внутренний*, вследствие чего и наблюдение может быть внешним или *объективным*, и внутренним, *субъективным*: в первом наблюдение направлено на все, что *не-я*, во втором как раз — на собственное *я*. Во внешнем наблюдении наблюдающий субъект и наблюдаемые объекты различны, будут ли последними материальная природа или чужая душевная жизнь, в наблюдении внутреннем — объектом становится сам субъект, откуда обозначение первого, как объективного, а второго — как субъективного. Иначе субъективное наблюдение называется *самонаблюдением*, а также *интроспекцией*, что в переводе значит «смотрение внутрь».

139. Во внешнем, по отношению к нам мире, нашему непосредственному наблюдению подлежат только материальные явления, действующие на органы наших чувств, преимущественно на зрение и слух, чужая же душевная жизнь нашему наблюдению недоступна, т. е. не может быть предметом такого же непосредственного познания, как наша собственная. Здесь мы наблюдаем только телесные, значит, материальные проявления (мимику, жестикуляцию, произведение звуков движе-

115. В рукописи исправлено с: «действия». — Там же. С. 63.

116. В рукописи слово «точно» — вставка на полях. — Там же. Л. 64.

117. В рукописи исправлено с: «измерениях». — Там же.

ния голосовых органов, языка, губ и т. д.), которые истолковываем как показатели чужих душевных переживаний, по аналогии со связью между душевными и материальными явлениями, известной нам из самонаблюдения. В этом смысле мы, значит, не *непосредственно наблюдаем, а умозакключаем*, пользуясь внешним опытом и при обобщающем<sup>118</sup> установлении внешних причин, вызывающих те или другие выражения лица, движения членов тела, звуки и т. п. не только у людей, но и у животных (виляние хвостом у собаки, сгибание спины у кошки, не говоря уже о лае, мяуканье и т. п.).

140. Это делает *самонаблюдение основным методом при изучении душевных явлений*, потому что душевные явления даны нам непосредственно только в нашем собственном внутреннем опыте, во внешнем же нам бывают даны только телесные, материальные обнаружения этих явлений в других живых существах, которыми мы пользуемся только в качестве показателей, знаков, сигналов, символов или как бы ни стали еще называть эти посредствующие звенья между познающим субъектом и чужими субъективными переживаниями. Когда психолог производит эксперименты над чужими переживаниями, то и тут это совершается, в сущности, не над самими явлениями, а над их показателями, среди которых главное значение принадлежит языку, как самому важному средству психического взаимодействия.

141. Известно, что родоначальник позитивизма в философии, Огюст Конт, отрицал возможность самонаблюдения над мышлением, — взгляд, опровергнутый научной гносеологией, — но некоторые его последователи пошли дальше и стали отрицать возможность самонаблюдения не только над мышлением, но и над всякими другими душевными явлениями, как будто никто не может знать, о чем и как он думает, что ощущает и чувствует, чего желает и т. д. Конт находил, что наше мыслящее (только мыслящее) я не может раздваиваться, будучи единичным, быть в одно и то же время объектом и субъектом, но фактически в таком раздвоении и нет никакой надобности, как, впрочем, его и не бывает, поскольку душевные явления обладают особым свойством, состоящим в сознательности: переживая известное душевное явление, мы уже, благодаря ему, знаем, *что и кем* (т. е. нашим же я) переживается. Телесные явления в себе (кровообращение, пищеварение и т. д.) мы тоже переживаем, но узнаем о них только из науки, т. е. переживаем бессознательно. (Другим аргументом Конта было то, что орган не может наблюдать над собственной своей деятельностью, например, глаз — над зрением, а потому и мозг — над мышлением, но дело в том, что и глаз, и мозг, как телесные органы, не могут наблюдать над телесною своею деятельностью, т. е. над *физиологическими* процессами, в них происходящими, мышление же есть деятельность *психическая*).

142. В самое последнее время возникло в изучении явлений человеческой жизни направление («бихавьюризм», о чем ниже), требующее исключительного применения к изучению этого рода явлений исключительно внешнего поведения (англ. behavior, поведение) людей — чисто объективного наблюдения, как над со-

---

118. В рукописи слово «обобщающем» — вставка на полях. — Там же. Л. 66.

вершенно механическими рефлексами, откуда — попытка превратить психологию и социологию в индивидуальную и коллективную *рефлексологию*, из которой должны быть элиминированы даже предположения о внутренних переживаниях так или иначе ведущих себя людей. В основе такого «метода» лежит скрытый материализм, выдающий себя за реализм по отношению к содержанию науки и за объективизм по отношению к форме и методу. Собственно говоря, это равносильно устранению психологии из того места, которое она занимает в ряду номологических наук (§), равносильно обоснованию социологии на данных физиологии и притом только рефлексологической ее части.

143. <sup>119</sup>Различая простое наблюдение и самонаблюдение, как методы установки данных опыта, логика обыкновенно игнорирует разницу между прямым наблюдением действительности, возможным только для *наличной в данный момент действительности*, и наблюдением над остатками или следами *прошедшей действительности*, совершаемом в таких науках, как геология, палеонтология, археология и история, для познания той действительности, которая была, но которой уже нет, как канувшей в вечность (ср. §) и потому больше недоступной непосредственному наблюдению, как недоступна ему и чужая психическая жизнь. Эти остатки и следы прошлого относятся одинаково и к материальным, и к душевным явлениям и процессам.

144<sup>120</sup>. Когда логика пропускает столь важное обстоятельство, это происходит потому, что она вообще более интересуется методами доказательства, чем констатирования и что понимает науку более номологически, чем идиографически, т. е. как знание об общем, а не об единичном. Притом, в сущности, методы доказательства, употребление силлогизмов или индукции и т. п. одинаковы во всех науках, а приемы, при помощи которых происходит констатирование фактов, очень разнообразны для отдельных наук, что лишает их для логики<sup>121</sup> общего, *принципиального* характера и придает характер *технический* (§). Действительно, техника наблюдения весьма различна у астронома, у зоолога, у археолога, у статистика, у историка, как различна и техника экспериментации у физика, у химика, у биолога (например, у вивисектора), у экспериментального психолога. Тут уже начинается область технической<sup>122</sup> методологии отдельных наук, изучаемой на практике в обсерваториях, лабораториях, «специальных кабинетах», «в семинариях» гуманитарных наук. Ввиду, однако того, что *в вопросе о методе изучения прошлого* заинтересованы в большей или меньшей степени даже астрономы, поскольку делают предположения о прошлом Солнечной системы, в особенности же геологи, биологи (в частности, палеонтологи), археологи, историки, т. е. представители и естествознания, и гуманитарных наук, вопрос имеет и общий, принципиальный

119. В рукописи исправлено с: «Останавливаясь на различии». — Там же. Л. 70.

120. В рукописи этот параграф назван 114. И дальше нумерация продолжается с номера 144, вследствие чего — расхождение с машинописью. — Там же.

121. В рукописи «для логики» — вставка на полях. — Там же.

122. В рукописи «технической» — вставка на полях. — Там же.

интерес, является, значит, одним из вопросов гносеологии и логики. Поэтому мы должны коснуться его в настоящей главе, трактующей о логических предпосылках методологии.

145. Гносеологическое призвание о недоступности чужих душевных явлений непосредственному наблюдению приводит к философскому (онтологическому) вопросу о чужой одушевленности, который так называемым солипсизмом (от solus — один, единственный и ipse, сам), разрешается в смысле существования только моего я. Пусть существование других я будет недоказуемым априорным суждением, в смысле которого мы понимаем все внешние проявления психических переживаний других людей, что несколько не сделает эти переживания более доступными для постороннего наблюдения. Но в таком же положении находится и дело *невозможности доказать существование прошлого* ввиду того, что объекты истории вовсе не являются и не могут быть предметами, по отношению к которым возможно опытное знание<sup>123</sup>. История, изучающая прошлое, должна делать *умозаключения* от непосредственного наблюдения над остатками и следами (§ 143) или, как их называют, источников, памятников, документов, свидетельств, данных нам в действительности, доступных зрению, слуху, осязанию, к существованию в прошлом известных явлений. Умозаключения истории — так продолжают развивать эту мысль — не могут обойтись без догадок (по нашей терминологии, *дивинаций* (§)), часть которых недоказуема, так что истинность каждого суждения о прошлом, бывшем до моего рождения, очевидна отнюдь не больше истинности утверждения о существовании чужой душевной жизни.

146. Каждое допущение истории, т. е. каждая догадка требует новых допущений, например, о том, что явления, бывшие до нас, происходили в известном порядке, по закону причинности, в той или другой эволюционной связи, причем многое по необходимости принимается на веру (но и<sup>124</sup> отвергается систематическим сомнением), так что, в конце концов, объекты истории (человечества ли, или природы, безразлично), если не *сверхопытны*, то *заопытны*. Разница между историей (опять-таки всего, начиная от образования Солнечной системы до кануна моего появления на свет) и метафизикой — та, что к последней совершенно неприменимо понятие большей или меньшей вероятности, а это делает и невозможным говорить о своем знании, что такое-то положение в ней ложно, тогда как по отношению к истории этого не бывает. Если кто-либо, сознавший себя только сегодня, скажет мне, что у него нет никаких доказательств о существовании вчерашнего дня, так и моего собственного, он будет в своем праве так говорить, но я-то сам хорошо знаю что он ошибается, что вчера существовало, а в нем и я, непосредственно знающий о бывшем его существовании. Я знаю вообще, что во мне происходит душевная жизнь, и потому найду ложным утверждение всякого солипсизма, признающего только свою одушевленность: я знаю, что, по крайней

123. Авторское примечание: См.: *Константин Сотонин*. Заопытное и трансцендентное (История и метафизика). Казань, 1915. Брошюра очень малого формата в 46 стр.

124. В рукописи слова «но и» — вставка на полях. — Там же. Л. 72.

мере, отрицание одной чужой одушевленности (т. е. моей) ложно, как могу знать, что будет ложным отрицание, по крайней мере, некоторых объектов истории.

147. Стоит, однако, установить одно исключение из правила, чтобы прийти к убеждению в существовании шансов и за другие подобные исключения, тогда как против — ни одного. Отсюда вытекает большая вероятность в пользу наличности и других я и бывшего существования исторических явлений. В этом-то и заключается разница между такими объектами, как чужая одушевленность и, если так можно выразиться, «бывшесть фактов прошлого», и объектами чисто-метафизическими. Первые — заопытны, вторые — сверхопытны, и было бы совершенно неправильно причислять заопытные объекты к области предметов не знания, а веры.

148. Дело в том, что, по крайней мере, объекты человеческой истории, события и культурные состояния когда-нибудь были объектами чьего-либо наблюдения, т. е. содержались в непосредственном опыте других людей, оставивших нам свои о них свидетельства. Если не считать то, что последние нам выдают, за материал знания, и признавать за таковое только то, что было в личном опыте, то и существование Америки или Австралии будет предметом веры, а не знания, вследствие их заопытности для меня. Материал науки складывается даже вообще из неизмеримо большего количества всяких чужих достоверных свидетельств, нежели из непосредственных наблюдений каждого из нас в отдельности. *Критическая проверка достоверности чужих свидетельств* обязательна не в одной исторической науке, но и в других. Между прочим, и в экспериментальных, где каждый новый физический «опыт» тотчас же продельвается специалистами, да и в естествознании наблюдательного характера, когда, например, заявление одного астронома об открытой им комете, малой планете и т. д. заставляет других астрономов направлять свои трубы на определенную часть небесной сферы.

149. Конечно, историки в этом смысле имеют дело с заопытным знанием, что не в состоянии подвергнуть явление повторным и повторным наблюдениям или таковым же экспериментам, и в их<sup>125</sup> распоряжении находится только критика источников со стороны подлинности памятников (остатков) и достоверности свидетельств (следов), но даже археологи, занимающиеся материальными остатками прежней культуры, находятся в лучшем положении, чем палеонтологи с их мертвыми остатками когда-то живой природы, потому что на подмогу им приходят еще говорящие источники, письменные свидетельства, остающиеся для нас совокупностью внешних показателей, через которые мы знакомимся и с душевными явлениями в более или менее далеком прошлом.

150. Научная критика должна пользоваться теми же методами рассуждения, наблюдения и экспериментации, какими пользуется и научное исследование. Только последние направлены на самую действительность, а первая<sup>126</sup> на действительное познание этой действительности. Определяя понятие науки, мы признали *прове-*

125. В рукописи исправлено с: «руках». — Там же. Л. 126.

126. В рукописи далее зачеркнуто несколько слов. — Там же. Л. 127.

*ренность* отдельных ее сведений за один из существенных ее признаков и не только проверкой содержания (т. е. сырого материала и выводов из него), но и формальной стороны, метода.

151. Каждое исследование есть работа *аналитическая*, как и критика. Другой существенный признак науки — систематизация знания, работа синтетическая, создающая из рассыпанных данных опыта стройное и цельное знание по принципам логики. Важны в науке не только точность и полнота знания, имеющая и свое утилитарное значение, но и стройность и цельность, сближающие науку с философией, которая есть высшая ступень в развитии мирозерцания. В духовной культуре наука занимает среднее место между искусством, образность которого соприкасается с конкретностью идиографии, и философией, идейности которого родственна абстрактность номологии.

НИОР РГБ. Ф. 119. Н. И. Кареев. К. 39. Д. 13.  
Л. 130б-330б. Машинопись. Подлинник.

## The General of Methodology of the Humanities, Chapter 2: The Logical Prerequisites of the Methodology

*Nikolay Kareev*

*Alexey V. Malinov* (editor)

Dr. Hab (Philosophy), Professor, Saint Petersburg State University  
Address: Universitetskaya Emb., 13B, Saint Petersburg, Russian Federation 199034  
E-mail: a.v.malinov@gmail.com

*Evgeniya A. Dolgova* (editor)

PhD in History, Associate Professor, Russian State University for the Humanities  
Address: Miusskaya sq., 6, GSP-3, Moscow, Russian Federation 125993  
E-mail: dolgova-evg@rambler.ru

The focus of the article is the research of the unpublished methodological scientific work by the Russian historian Nikolay Kareev, which is called *The General Methodology of the Humanities*. This book was written in 1922, but was not immediately published due to censorship restrictions. In it, Kareev described the sphere of humanitarian knowledge, and presented the existence of a holistic research field as a problem of the humanities and describes the principles of its interrelationships. As well, he put the need to develop a common methodology for scientific research as a research task, and substantiated the position and methodological tools of history in the humanities. The publication fragment from the *General Methodology* includes the second chapter, which is called "The Logical Prerequisites of the Methodology". In this chapter, Kareev characterized logic as a condition of any methodology, considered existing methods of cognition, those being inductive, deductive, comparative, and historical, talked about scientific laws and its classification, and dwelled on the types of inferences and syllogisms in detail, as well as on common mistakes.

In this chapter, Kareev dealt not only with the foundations of logic, but also with the theory of argumentation and the theory of proofs. He formulated the signs of scientific knowledge, those of verifiability, systematic, and completeness (integrity). The text solved the different problems of humanities from the point of view of positivism with some elements of neo-Kantianism.

*Keywords:* Nikolay Kareev, methodological heritage, *The General Methodology of the Humanities*, fragments, the logic, methods of cognition, positivism, criticism, neo-Kantianism